

Василий ВЕДЕНЕЕВ

ДВЕСТИ ТЫСЯЧ ЗОЛОТОМ

Серия исторических романов

Василий Веденеев

Двести тысяч золотом

«ВЕЧЕ»

2015

Веденеев В. В.

Двести тысяч золотом / В. В. Веденеев — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Серия исторических романов)

ISBN 978-5-4444-7899-8

Имя Василия Владимировича Веденева давно и хорошо известно всем любителям историко-приключенческой литературы. Он – автор таких остросюжетных романов, как «Бальзам Авиценны» и «Дикое поле», изданных многотысячными тиражами и снискавших заслуженную популярность у читателей разных поколений. Роман «Двести тысяч золотом» рассказывает о необыкновенной судьбе двух русских офицеров в 1920-х годах в Китае, охваченном междоусобной войной.

ISBN 978-5-4444-7899-8

© Веденеев В. В., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Об авторе	5
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Василий Веденеев

Двести тысяч золотом

Об авторе

Так уж случилось, что Василий Владимирович Веденеев ушел из жизни на пороге известности, когда его книги становились все более и более популярными. В свое время Веденеев был одним из лучших сыщиков Москвы, преподавал в академии МВД. А в Чечне командовал сводным отрядом милиции. Именно о таких говорят: настоящий русский офицер. И при этом искал себя в литературе. Но вот, на взлете, случилось непоправимое – сердце не выдержало непомерной нагрузки, накопленной за годы тяжелой работы. Но осталось письмо, которое Василий Владимирович написал незадолго до смерти. Оно адресовано тем, кто придет в литературу после него – молодым и талантливым, уверенно смотрящим в будущее.

«Родился первого марта 1947 года в Москве, в старом знаменитом районе – на Таганке, где и прошло раннее детство в уютных московских двориках.

Считаю, что всем, чего мне удалось добиться в жизни, обязан родителям – их необъятно большой любви, воспитанию, заботе. Папа и мама были людьми широкой души и высокой культуры, прекрасного воспитания, имевшие то, что сейчас давно забыто и втоптанно в грязь, – понятие о Чести и Совести.

По окончании школы пошел работать, сменил несколько незначительных должностей и, наконец, устроился лаборантом на кафедру общей и аналитической химии биолого-химического факультета МГПИ имени Ленина. Фактически одновременно поступил учиться на вечернее отделение химического факультета того же института. Хотел стать ученым-химиком и заниматься проблемами коррозии металлов, но судьба распорядилась иначе.

Летом 1968 года по рекомендации партийно-комсомольских вождей пошел на работу в органы милиции. Уже в период работы в органах закончил химфак МГПИ, затем Калининскую школу усовершенствования начсостава милиции, а в конце 1970-х годов поступил в очную адъюнктуру Академии МВД СССР, которую успешно закончил, и защитил диссертацию. Кандидат юридических наук, автор ряда учебных и методических пособий по закрытой проблематике, а также статей на специальные темы.

Работал в легендарном Московском уголовном розыске, служил в Центральном аппарате МВД СССР и МВД России на различных, в том числе руководящих, должностях. Полковник милиции.

Писать начал в середине 70-х годов XX века. Хотелось рассказать, как все происходит “на самом деле”, а не в страшно далеких от жизни сериалах – “Ментах” и “Каменских”!

Довольно скоро понял, что правду написать невозможно в силу слишком многих причин, но можно попробовать сделать что-то хотя бы ближе к ней. Нельзя раскрывать методы и обучать публику, как действовать, но о том, как в жизни все горько и часто несправедливо на оперативной работе, какого она требует напряжения нервов, сил, какой чистоты морали, чтобы самому не скатиться в болото, мне, кажется, кое-что сказать удалось. По крайней мере, я попытался это сделать.

Сюжеты для своих произведений беру из собственной практики и практики своих коллег. Время работы над произведением диктует материал, но хороший роман нельзя написать за пару-тройку месяцев. Над одним из своих романов я работал семь лет. Другой – выдержавший шесть изданий, имеющий объем 25 авторских листов, – написал за семь месяцев. Но это редкий случай. Обычно на создание книги, если готов весь материал, нужно около года, как минимум.

Считаю, что писать нужно только от руки – так написаны все великие произведения...»

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ВАСИЛИЯ ВЕДЕНЕЕВА

- «После третьего звонка» (1983)
- «Самум – ветер пустыни» (1985)
- «Премьера без репетиций» (1986)
- «Ушла из дома и не вернулась» (1987)
- «Волос ангела» (1987)
- «Частный сыск есаула Сарычева» (1992)
- «Ключ святого Петра» (1993)
- «Двести тысяч золотом» («Лабиринт») (1994)
- «Дикое поле» (1995)
- «Бальзам Авиценны» (1995)

Человеческий калейдоскоп многоцветен и многообразен: счастливики и горемыки, благородные рыцари и авантюристы, бродяги и домоседы, преступники и стражи закона, подвижники и закоренелые злодеи, влюбленные и жаждущие любви... Ветер странствий и превратности судьбы срывают людей с места, швыряют из одного конца света в другой и гонят, гонят по неторным тропам. Так было, есть и будет...

Глава 1

Ранним весенним утром 192... года в ворота одного из городов китайской провинции Шаньдун вошел молодой европеец. Сдвинув на затылок помятую серую шляпу и поглубже засунув руки в карманы потертой кожаной куртки, прозванной «Правь, Британия», он на секунду задержался, окинул взглядом городскую стену, помост над воротами, где расхаживали вооруженные допотопными берданками часовые, и решительно зашагал дальше.

Город оказался очень грязным, оглушительно шумным и пестрым до боли в глазах. На узких улочках теснились лавчонки, небольшие магазинчики, ярко размалеванные ларьки. Разношерстная толпа непрерывно двигалась, колыхалась, катилась куда-то. Кричали предлагавшие свои услуги рикши. Расчищая себе дорогу, сыпали отборной руганью потные носильщики паланкинов. Разносчики, завлекая покупателей, стучали в деревянные колотушки, били в маленькие гонги, дули в медные рожки. Заунывно гнусавили нищие, резко выкрикивали название товаров зазывалы. На одном из перекрестков показалась странная процессия. Впереди шли музыканты-духовики в поношенных с сине-красными эполетами французских мундирах прошлого века. Следом за ними пара замороженных лошадей, тяжело переставляя ноги, тащила повозку под балдахином.

«Похороны», – равнодушно вслушиваясь в тоскливую мелодию, подумал европеец. Из соседнего переулка наплывали соблазнительные запахи съестного. Отмахнувшись от назойливых призывов тибетского лекаря, расположившегося прямо на земле с деревянным ящичком-аптекой, он подошел к уличному торговцу, на все лады расхваливавшему рис, лепешки и соус.

– Чи фань! Чи фань! – высоким тонким голосом кричал пожилой китаец, стараясь перекрыть уличный шум.

Проглотив голодную слюну, европеец выгреб из кармана горсть медяков: да, на харчевню, где можно насладиться восточной кухней, явно не хватает, а есть хочется немилосердно.

– Чи фань! Кушать. Подходи, капитана! – безошибочно угадав в нем русского, еще громче закричал торговец. Его коричневое от загара лицо сморщилось в улыбке. – Кушать, недорого! Подходи!

Положив в протянутую ладонь китайца несколько монет, молодой человек получил тонкую лепешку и чашку риса, приправленного черным соевым соусом. Взял деревянные палочки и жадно начал есть, стараясь не уронить ни зернышка риса, ни крошки хлеба.

– Кушай, кушай, капитана, – ласково приговаривал китаец, показывая в улыбке остатки гнилых зубов.

Русский вытер чашку последним кусочком лепешки и напоследок посмаковал впитавший острый соус мякиш. Вернув посудину торговцу, он вынул из кармана полосатых брюк кисет, свернул самокрутку и блаженно задымил.

– Чьи войска в городе? – хрипловатым баском спросил молодой человек. – Генерала У Пейфу?

– Нет, он там. – Торговец махнул рукой куда-то в сторону и засмеялся. – Война, капитана. Наши воюют, ваши воюют.

– У нас вроде закончили, – буркнул русский. На шанхайском наречии¹ он говорил свободно, но с заметным акцентом. – Года три, как отвоевались. А кто же в городе? Дуань Цижуй?

– Нет, его солдаты дальше, вон там. – Торговец вновь махнул костлявой рукой и улыбнулся еще шире, словно сообщил радостную весть.

¹ В Китае распространены два наречия – шанхайское и нанкинское.

Молодой человек глубоко затынулся и задумался. Черт их разберет, этих китайцев, – который год лупят друг друга почему зря. Генералов развелось как собак нерезанных, чуть ли не каждый день появляются новые. Сегодня один, завтра другой. Местный или пришлый. Да и народу здесь хватает: есть кого поставить под ружье, есть кому сеять и кому грабить урожай.

Кто же все-таки правит бал в городе? У Пейфу со своим штабом ориентируется на американцев и англичан, но его здесь нет. Дуань Цижуй придерживается прояпонской ориентации, но и его солдат тут не видать. Чан Кайши и армия Гоминьдана на юге, далеко отсюда. А не мешало бы знать, кто из генералов владеет городом и чьи интересы защищает этот азиатский Бонапарт.

– Чжан Цзолинь?

– Нет. – Улыбка сбежала с морщинистого лица старика. – Ты что, с неба упал? Здесь уже давно генерал Чжу Пей.

– Чжу Пей? А за кого он воюет?

– Гоу-юй! – быстро оглядевшись по сторонам, бросил торговец. – Собака-рыба! Понял? «Угораздило», – мрачно подумал русский. В городе, оказывается, обыкновенная банда. Дела...

Он кивнул старику на прощание и побрел по улице, досасывая самокрутку. По телу растекалось приятное тепло сытости, но на душе было тревожно. Гоу-юй, или «собаки-рыбы», – как называют китайцы бандитских главарей, громко именующих себя генералами, – это очень плохо. Бандиты даже своих не щадят, а с бродягой-эмигрантом из далекой России и подавно не станут церемониться. «Засидевшийся гость, потерявший свой дом» – так говорят здесь про таких, как он. Надо поскорее выбираться из города и идти на север, к Харбину. Выбираться... Но не так-то просто ориентироваться в лабиринте улочек. Куда же теперь свернуть? Лучше всего в тот проулок, который привел его к торговцу. Но идти туда не хотелось: возвращаться – дурная примета.

Навстречу попадались китайцы с коромыслами на плечах, в надвинутых на глаза конусообразных соломенных шляпах. Они несли корзины с овощами, черноглазых детей и мелкий домашний скраб. Под ногами вертелись шелудивые лохматые собаки. По узкой канавке вдоль глиняного забора текли мутные нечистоты, распространяя зловоние по всей округе. Солнце поднялось выше и начало припекать. После риса с острым соусом хотелось пить. Почувствовав запах дыма, русский приподнялся на цыпочки и глянул через забор.

Во дворе фанзы, около небольшого костра, возились седобородый старик в темном халате и неопрятная старуха. Они разламывали на части большого воздушного змея и бросали куски промасленной бумаги и тонкие рейки в огонь. Упавший на огород змей может служить пристанищем злему духу, а огонь, как известно, уничтожает всякую нечисть. Оглянувшись, старик увидел европейца и вежливо поздоровался, спросив по древнему народному обычаю:

– Ел ли ты сегодня, сяо?

Старуха выпрямилась и тоже поглядела на «бок-гуя» – белого дьявола, неведомыми ветрами занесенного сюда с далекого севера или из-за моря. Муж назвал его «сяо», как принято обращаться к младшим по возрасту, но понял ли это белый?

– Мэю, нет, – ответил русский, внутренне проклиная себя за ложь. И повторил, добавив вежливое обращение к старшим: – Нет, лао.

Впрочем, велик ли обман? Что для здорового мужчины, едва перешагнувшего четвертьвековой рубеж, чашка риса и тонкая лепешка из отрубей? Так, на один зубок, как когда-то говаривала нянюшка.

Хозяин сокрушенно покачал головой и начал сбивчиво объяснять, что им, к сожалению, нечем угостить нежданного гостя. Но если тот не побрезгует и войдет в фанзу...

– Продайте немного хлеба и риса, лао, – попросил старика русский, выгребая из кармана оставшиеся медяки: дорога предстоит неблизкая, хорошо бы запастись провизией хоть на первое время.

Услышав звон монет, старуха оживилась, шустро юркнула в фанзу и выскочила с небольшим мешочком риса в одной руке и парой лепешек в другой. Получив медяки, она тут же спрятала их и вернулась к костру. А любопытный хозяин подошел поближе к изгороди и начал расспрашивать: давно ли молодой человек не видел родного дома, здоровы ли его родители и не желает ли он еще что-нибудь купить у бедных людей?

Отделавшись несколькими ничего не значащими фразами, русский спросил:

– Где тут самый короткий путь к городским воротам?

– Как тебя зовут? – неожиданно поинтересовался старик.

– Александр, Саша.

– Саса? – радостно заулыбался хозяин. Какая удача! Бок-туй уйдет из города, и вслед за ним полетят злые демоны, притаившиеся в упавшем змее. Надо только шептать над костром это чудное имя «Саса». Демоны услышат и, свиваясь в ленты дыма, устремятся за своим белым братом. Ведь не зря говорится, что дьявол дьяволу всегда родня.

– Саса, – причмокивая, повторил китаец. – По этому переулку ты выйдешь на площадь, пересечешь ее и повернешь направо, а там и ворота рядом.

Издалека донеслись мерные удары в большой барабан и гомон толпы. Старик прислушался и забеспокоился:

– Не задерживайся! Слышишь? Скоро на главной площади будут казнить преступников и ворота могут закрыть, чтобы никто не убежал. Иди, Саса, иди скорее!

Русский быстро зашагал по переулку, с нарастающей тревогой прислушиваясь к ударам барабана. Запрут ворота, и тогда «счастье будет полным».

Ага, вот и площадь: ларьки, лотки, легкие переносные лавки, снующая толпа. Настоящий человеческий муравейник, над которым волнами перекачивается неумолчный гул голосов.

Пробираясь сквозь толпу, Александр вдруг почувствовал, что его схватили цепкие пальцы.

– Продаешь? – Молодой китаец с наглыми глазами мял рукав Сашиной кожаной куртки.

– Нет. – Русский отодвинул с дороги нахала, но второй китаец, присев на корточки, начал ощупывать его сапоги. Справа и слева выросли еще двое.

– Дай померить. – Первый парень рванул куртку. – Снимай!

– Уйди добром. – Александр отпихнул жадные руки и увидел, что вокруг быстро образуется свободное пространство: чувствуя назревающую драку, толпа отхлынула – кому охота вмешиваться?

– Снимай, снимай. – Его снова дернули за рукав. – Не замерзнешь, на улице жарко.

«Влип, – подумал Саша. – Надо выбираться».

Крутнувшись волчком, он коротко, без замаха, врезал одному из китайцев по скуле. Тот рухнул, сбитый с ног сильным ударом. Второго пришлось пнуть сапогом.

– Ша! Бей! – заорали китайцы. Толпа отхлынула еще дальше, и русский вдруг оказался в кольце врагов. У двух или трех в руках блеснули ножи.

Метнувшись к ближайшему ларьку, Александр одним рывком выдернул из земли бамбуковый шест, поддерживавший навес над прилавком. Товар рассыпался, истошно завопил торговец. Ну, теперь им его не взять!

Искусству борьбы на палках – силамбаме – его научил один тамил, служивший некогда в индийской полиции. Маленький, сухощавый, похожий на подростка, он буквально преобразился, стоило ему начать демонстрировать боевые приемы. Бамбуковый шест в его руках летал и вился, как тонкая шелковая лента. Мгновенная смена ритма, и вот уже кажется, что боец окружен деревянным кольцом, вращающимся с непостижимой, почти недоступной челове-

скому глазу быстротой. Потом палка превращалась в непробиваемый щит, предохраняющий грудь. И все эти метаморфозы сопровождалась прыжками, кульбитами, уклонами, приседаниями – словно тамил исполнял древний, замысловатый, но очень грозный военный танец. Александр, бывало, смотрел на него как зачарованный.

– Воин должен в совершенстве владеть мечом, копьём, кинжалом, – объяснял тамил. – Нет оружия, бери в руки шест! Если он сломался, сражайся обломком, поясом, голыми руками, наконец... Понимаешь, на моей родине такой климат, такая жара и влажная духота, что человек просто не вынесет длительного физического напряжения. Поэтому веками вырабатывались наиболее эффективные приемы. Хочешь научиться всему?..

Вращая перед собой шест, со свистом рассекавший воздух, Саша шагнул к противникам. Те попятнулись.

Внезапно один из китайцев тоже вырвал бамбуковую жердь, схватил ее за один конец и начал вращать, надвигаясь на европейца, вздумавшего оказать сопротивление хозяевам рынка. Его дружки приободрились, загалдели:

– Эй ты, вонючий бок-гуй, покажи свою удаль! Что – слабо? Сейчас твоя башка треснет, как гнилая тыква... Пойдешь на тот свет без сапог и куртки!..

Приближаться к разъяренному противнику было страшно, но еще страшнее – дрогнуть и отступить. Тогда гибель неминуема. Александр поудобнее перехватил палку и шагнул вперед.

Раздался трест бамбука: русский ударил сверху, используя старый тамильский прием «орел падает на добычу», и одновременно продвинулся еще на один шаг. Защищаясь, китаец успел поставить блок, но Саша не отдернул жерди, а резким скользящим движением опустил ее вдоль гладкой, чуть ребристой жерди противника, угодив ему по пальцам. Тот взвыл от жуткой боли, выронил свое оружие и тут же получил крепкий удар по голове.

Дальше было проще: шест в руках Александра заработал как цеп на обмолоте, опускаясь на головы, плечи, спины и руки бандитов. Удары ногами тоже делали свое дело. Путь преградил парень с дубинкой, но Саша изо всех сил ткнул его концом палки в солнечное сплетение – словно сделал выпад штыком, как когда-то учили в армии. Китаец охнул и осел в пыль.

Широко размахнувшись, Саша заставил противников разорвать кольцо и отступить, а сам кинулся прочь. Позади шумела толпа на рыночной площади, где-то по-прежнему монотонно ухал барабан, прохожие со страхом смотрели на бешено мчавшегося вооруженного бамбуковым шестом европейца. Ах, если бы улица была пуста, но разве такое бывает в китайском городе?

Ага, судя по истошным воплям и топоту, враги пустились в погоню! Жаждают реванша? Ну уж нет, такого удовольствия он им не доставит! Самое время исчезнуть. Бросив шест, Александр свернул за угол и огляделся в поисках укрытия. Спрятаться бы в какую-нибудь щель и переждать. Если не собьешь бандитов со следа, они загонят его в центр, где собралась жаждущая зрелища казни толпа, а оттуда уж точно не вырваться. Еще хуже, если народ согнали принудительно и выставили караул. Встретаться со сбродом самозванного генерала крайне нежелательно.

Вот, кажется, именно то, что нужно: большая лавка, или, точнее, магазин в европейском стиле. Скорее туда. Толкнув дверь, он очутился в длинном мрачноватом помещении. Сзади звякнул колокольчик, извещая хозяина о приходе покупателя. Саша осмотрелся.

Под потолком висел искусно вырезанный из дерева и раскрашенный яркими лаковыми красками крокодил, вдоль стен стояли темные шкафы с матовыми стеклами в узких дверцах, на полках выстроились медные и фарфоровые ступки, склянки, флакончики, замысловатые весы. Похоже, он попал в аптеку.

Колыхнулась занавеска, скрывающая внутренние помещения, и появился высокий худой китаец в черном европейском костюме и очках с сильными линзами. Поклонившись посетителю, он молча указал на застекленные шкафы.

В этот момент с улицы донесся шум, грохнули выстрелы, оконное стекло треснуло, в сети трещин появилась маленькая дырочка, в деревянную панель над головой аптекаря вошла пуля. Дверь тут же распахнулась, и в помещение ввалилось несколько человек. Шедший впереди поднял маузер, выстрелил в потолок и заорал:

– Ложись на пол!

Китаец мгновенно сложился пополам, аккуратно подпернул узкие брюки, лег лицом вниз и вытянул вперед руки. Решив не искушать судьбу, Александр последовал его примеру.

Один из ворвавшихся кинулся во внутреннее помещение, загремел там посудой, через несколько секунд вернулся и что-то шепнул вооруженному маузером начальнику.

Тот недовольно дернул плечом и подошел к аптекарю.

– Ты кто? – пнув его сапогом в бок, гаркнул начальник патруля.

– Провизор, господин, – едва слышно пролепетал очкарик.

– А ты? – подошел он к русскому. – Кто такой?

– Прохожий, зашел купить хины от лихорадки.

– Документы есть?

Перевернувшись на спину, Александр достал из кармана куртки потрепанный китайский паспорт и подал его начальнику. Тот начал разглядывать документ, напряженно морща лоб и беззвучно шевеля губами.

«Да он неграмотный, – понял Саша, – но не хочет “потерять лицо” перед подчиненными».

– Вставай, – небрежно сунув паспорт в карман, приказал начальник патруля. – Пойдешь с нами.

– Куда?

– В штаб, там разберутся, кто ты такой.

Пришлось подчиниться и выйти под конвоем двух низкорослых, вооруженных пиками солдат. Оставшиеся начали распаивать шкафы и швырять на пол их содержимое. Как видно, искали спирт. Напоследок Александр оглянулся: один из бандитов сдирал пиджак с насмерть перепуганного провизора...

Штаб размещался в новом двухэтажном доме, украшенном по фасаду веселыми бумажными фонариками, видимо, оставшимися после какого-то праздника. У дверей прохаживались часовые. Потрепанная одежда, матерчатые тапочки на босу ногу, но оружие хорошее – японские карабины. Русского провели внутрь и усадили на скамью рядом с другими задержанными. В комнате находилось еще несколько человек, и среди них Саша, к своему ужасу, увидел одного из бандитов, с которыми дрался на рынке. Китаец тоже узнал своего недавнего противника и, встретившись с ним взглядом, по-волчьи оскалился. Дело принимало дурной оборот.

Что же делать, как выкручиваться? Этот парень на арестованного не похож: держался свободно, халат перепоян офицерским ремнем, тяжело оттянутым кобурой с наганом. Интересно, какова его роль в этом бандитском логове?.. Бежать бы... Да разве убежишь? У дверей часовые, если и удастся прорваться, все равно поймут – европеец слишком приметная фигура в китайском городе.

Вошли вооруженные солдаты и увели сидевшего рядом с Сашей китаецца. Видимо, разбирательство проходило очень быстро, поскольку через две-три минуты увели второго, потом третьего, и, наконец, очередь дошла до русского.

Пройдя с конвоирами через несколько комнат, Александр очутился в небольшом зале. Против входа стояло резное позолоченное кресло, а в нем развалился пузатый человек в офицерском кителе, защитных галифе и желтых сапогах с огромными шпорами. Голова толстяка была наголо обрита и с одной стороны залеплена пластырем. На коленях лежала немецкая сабля в никелированных ножнах. У ног, прямо на полу, выстроились в ряд несколько полевых телефонов.

«Неужели сам Чжу Пей?» – подумал Саша.

Бандит с рынка тенью скользнул за спинами окружавших кресло военных, приблизился к генералу и что-то шепнул в большое, оттопыренное ухо Пейя, поглядывая на русского. Генерал дернул щекой и дал знак начинать.

– Что ты делал в городе?

– Я направляюсь в Харбин, – стараясь сохранить спокойствие, ответил Александр. – Хотел выйти к железной дороге, чтобы сесть в поезд. У меня есть документы, их отобрали солдаты.

– А что тебе понадобилось в городе? – листая паспорт задержанного, лениво поинтересовался военный. – Как правильно твое имя?

– Александр Руднев. Я вошел в город, чтобы купить хинин.

– По закону эмигрант, не имеющий паспорта, должен быть осужден как преступник, – ехидно улыбаясь, бросил бандит с рынка. – Сегодня бежал один из тех, кто покушался на жизнь господина генерала. – Палец бандита показал на залепленную пластырем голову Чжу Пейя. – Ты его пособник или сообщник!

– Неправда! – возразил Руднев. – У меня есть документы. Господин генерал, вероятно, не знает, что произошло сегодня на рыночной площади. Может быть, вы ему расскажете о нашей встрече?

Бандит схватился за кобуру, но Пей остановил его:

– Не горячись, Фын. Где эта бумажка?

Военный услужливо подал генералу паспорт. Даже не взглянув на документ, Чжу Пей разорвал его и бросил клочки на пол:

– У тебя нет паспорта, значит, ты – преступник!

Окружавшие кресло одобрительно засмеялись, выражая восхищение «мудрым решением».

– Отправить его на работы, – зевнул Чжу Пей. – Думаю, Фын не откажется пригнать стадо двуногих к надсмотрщикам?

Руднев рванулся, но конвоиры успели повиснуть на нем, а в ноги бросился прятавшийся за портьерой охранник. Тут же подскочил Фын и, выхватив наган, ударил Александра рукоятью по голове...

Придя в себя, русский с трудом поднял налитые свинцовой тяжестью веки. Вместе с другими задержанными он сидел во дворе штаба у стены сарая. Руки крепко стянуты веревкой. Кожаная куртка исчезла, босые ступни холодил легкий ветерок. Руднев грустно усмехнулся: все-таки Фын добился своего – ни сапог, ни куртки. Купленная у стариков провизия и нательный крест тоже исчезли. Угораздило же попасть в переплет!

Вскоре во дворе появились несколько солдат и Фын, ведущий в поводу кривую низкорослую кобылу под самодельным седлом. Тщедушный солдатик – ростом от силы до пупка Рудневу – пинками начал поднимать связанных и сгонять их в кучу. Фын вскочил в седло и выехал со двора. Следом два солдата погнались пленников.

Саша уже пришел в себя и шагал легко, но тоска навалилась отчаянная. Только бы проклятый Фын не вздумал учинить расправу в дороге. Дойти бы до места назначения, а там посмотрим, что делать. Впрочем, вряд ли удастся вырваться на свободу... Что стоит здесь человеческая жизнь? Она дешевле пыли под ногами.

Миновав несколько улиц, вышли через ворота за городскую стену, и Руднев мрачно усмехнулся – выбрался наконец из города, только не так, как хотелось.

Пыльная дорога. Однообразный пейзаж: редкие, чахлые деревья, маленькие клочки старательно возделанных полей и кругом камни, камни. Через час или два дорога пошла в гору. Нещадно пекло солнце, болела ушибленная голова, во рту пересохло, мокрое от пота лицо облепили мухи.

Фын придержал кобылу и, подождав, пока русский с ним поравняется, поехал рядом.

– Ну что, бок-гуй? Приятная прогулка? Я же говорил, что сегодня тепло! – издевательски ухмыльнулся бандит. – Дурак, не надо было упрячиться. Шагал бы сейчас без куртки, зато свободный.

Руднев молчал, не желая ввязываться в разговор: Фын небось только и ждет случая придраться. Ответь ему, он снова нальется злостью, а там и до расправы недалеко.

– Молчишь? – усмехнулся китаец. – Молись своим богам. Вон видишь горку? – Он показал плетью вперед. – Пока не дойдем до нее, можешь молиться, а потом я займусь тобой. Выбирай, бок-гуй: легкая и быстрая смерть за горой или долгие мучения через пару часов. Но тогда уж не взыщи – придется с тобой повозиться!

Руднев упорно молчал. Эх, если бы не связанные руки!..

Врезал бы он этой сволочи, стащил бы с лошади, отобрал наган... А там бы перестрелял солдат и в седло... Скакать, скакать, пока у старой клячи хватит сил...

Александр зло скрипнул зубами – размечтался, дурак! Действительность была горькой: слова Фына не пустые угрозы. Такие, как он, любят покуражиться над побежденным противником.

Бандит засмеялся и огрел русского плетью.

– Получи задаток, проклятая черепаха!

Саша знал, что «черепаха» у китайцев ругательное слово, но в его положении придется стерпеть. Ударить обидчика ногой? Глупо, потом избыют так, что не сможешь идти, или вообще пристрелят. Надо тянуть время: вдруг все же представится возможность бежать?

Другие пленники шагали покорно, словно стадо, гонимое на убой. Фын меж тем вошел в раж и начал раздавать удары плетью направо и налево, кривя в ухмылке тонкие губы. Китайцы испуганно втягивали головы в плечи, но ни один не вскрикнул от боли.

Внезапно впереди послышался непонятный стрекочущий звук, тревожный, таящий неясную угрозу. Фын перестал размахивать плетью и привстал на стременах. Звук нарастал, и вскоре в небе показался биплан. Покружив над горой, он спикировал, раздалась частая дробь пулемета.

Руднев до рези в глазах вглядывался в самолет – чей он, есть ли на нем опознавательные знаки?

Между тем «этажерка», набирая высоту, задрала нос, завалилась на правое крыло и сделала разворот. Новое пике и вновь – трескучая дробь пулемета.

«Кого он обстреливает? – недоумевал Александр. – Вокруг – ни жилья, ни войсковых соединений. Или обнаружил части противника на марше и решил атаковать? Чей же это биплан?.. Японский, что ли?.. Ведь у китайцев только пехота, даже конницы нет, а уж про авиацию и говорить нечего. Впрочем, у некоторых генералов в регулярных частях, кажется, есть самолеты...»

Маленькая колонна остановилась. Все, задрав головы, смотрели в яркое, безоблачное небо, где носился биплан. Но вот он повернул и полетел над дорогой, с каждой секундой приближаясь и увеличиваясь в размерах. Рудневу даже показалось, что сквозь серебристый круг бешено вращающегося пропеллера и защитный козырек из плексиглаза он видит сидящего в кабине летчика в больших очках-«консервах», закрывающих половину лица.

Поняв, что сейчас произойдет, он метнулся в сторону и скатился в неглубокий кювет. Фын соскочил с лошади и бросился к кустам на обочине, петляя, как уходящий от разъяренных гончих заяц. Рокот мотора усилился, черная тень на мгновение закрыла солнце, и по дороге хлестнула пулеметная очередь.

Руднев вжался в раскаленные пыльные камни. Слиться бы с ними, стать маленьким, незаметным!.. Ухо напряженно ловило доносившиеся сверху звуки: где биплан?.. Удаляется?.. Возвращается?.. Господи, спаси и помилуй!

Самолет возвращался. Судя по натужному реву мотора, он летел совсем низко – наверное, летчик решил добить оставшихся в живых или полюбоваться результатами обстрела. У Александра свело лопатки – сейчас он получит порцию свинца, и тогда... Тень «этажерки» вновь закрыла солнце, но пулемет молчал. Приподнявшись, Руднев посмотрел вслед воздушному разбойнику. Слегка покачивая крыльями и набирая высоту, самолет уходил в сторону гор. Что же произошло? Патроны кончились? Или, увидев, что горючее на исходе, летчик решил не рисковать и отвернул к своему аэродрому?.. Кто знает?..

Тишина. Солнце. Распростертые на пыльной дороге люди. Неужели никого не осталось в живых? Тогда он спасен – разрезать штыком путы, взять оружие... Но тут один из конвоиров зашевелился и сел, подтянув поближе винтовку, а из кустов выскочил Фын. Ослабился, увидев невредимого русского.

– Ага, ты еще не сдох, черепаха?.. Поднимайтесь, пошли! – Он начал пинать ногами лежавших на дороге.

Однако подняться смогли не все. Пулеметной очередью скосило второго конвоира и троих пленных, а одного ранило в ногу. Фын его тут же пристрелил. Трупы закапывать не стали – так и бросили посреди дороги. Фын взял винтовку убитого солдата и взгромоздился на кривую кобылу, чудом уцелевшую при налете. Маленькая колонна вновь поплелась, поднимая облачка тонкой, как пудра, красноватой пыли.

Руднев шагал тяжело. Одолевали мрачные мысли: куда их ведут, долго ли еще тащиться под палящим солнцем и, главное, что их ждет впереди?..

Постепенно поднялись в гору, подошли к перевалу. Отсюда дорога вела вниз, в тесную долину. И тут стало ясно, кого обстреливал самолет: в долине стояло несколько крытых повозок, рядом лежали убитые люди и лошади. Около одной из телег суетился человек в синем халате. Заметив появившийся на пригорке отряд, он кинулся прочь – встреча с незнакомцами таила опасность.

– Стой! – поспешно срывая с плеча винтовку, заорал Фын. – Стой!

Бухнул выстрел. Но – то ли бандит был плохим стрелком, то ли кляча не вовремя дернулась под ним, то ли расстояние оказалось великовато – пуля прошла стороной. Человек успел юркнуть под повозку и ящерицей пополз к большим камням.

Сыпля проклятиями, Фын ударил каблуками лошадь, и она перешла на рысь. Подгоняемые солдатом пленники поспешили следом.

Около каравана Фын быстро спешился и ножом располосовал полог первой повозки. Издав торжествующий крик, он начал вытаскивать товары. На землю полетели рулоны ткани и тюки выделанных кож. Солдат, закинув винтовку за спину, немедленно присоединился к нему. Тем временем пленные опустили на корточки и застыли, словно происходящее их не касалось.

Руднев подошел к той повозке, где минуту назад суетился неизвестный в синем халате, и устало сел, привалившись спиной к грязному колесу. Быть может, пока конвоиры заняты грабежом каравана, ему удастся незаметно перетереть стягивающую запястья веревку? Только бы освободить руки, а там уж как повезет. Надо действовать, а не ждать, пока Фын вспомнит о нем и осуществит угрозы!

И вдруг Саша услышал слабый стон.

– Кто здесь? – донеслось из повозки.

Спрашивал мужчина. По-китайски, но с заметным акцентом. Моментально вскочив, Руднев заглянул под полог – европеец!.. Сквозь полумрак проступило бледное, покрытое бисеринками пота лицо. Волосы – длинные, с сильной проседью – слиплись от крови. На голубой рубахе расплылось большое бурое пятно. «Пуля в груди, и голову задело», – наметанным глазом определил Саша.

– Христианин? – увидев белого, по-английски свистящим шепотом спросил раненый.

– Да, но я вряд ли смогу вам помочь, – ответил Руднев, тоже по-английски.

– На этом свете мне уже никто не поможет, – скривил губы незнакомец. Закрыв глаза, он часто и тяжело задышал. Его испачканные кровью пальцы беспокойно шевелились.

– Ты еще здесь? – не открывая глаз, спросил умирающий. Саша не сомневался, что душа его вскоре покинет бренное тело: в свое время он достаточно насмотрелся на раненых.

– Здесь.

– Обещай выполнить мою просьбу... Последнюю... Похорони меня по христианскому обычаю, прочитай заупокойную молитву и поставь на могиле крест... Я грешник, большой грешник... Помолись за меня, слышишь?.. Быть может, Всевышний тогда смилостивится.

– Обещаю, – сказал Саша, не желая расстраивать умирающего. – Все сделаю, как вы хотите.

– А я за это оставляю тебе наследство. – Раненый открыл воспаленные глаза и впился взглядом в лицо русского. – Ты получишь двести тысяч баксов золотом, не считая всяких бумажек. Слышишь? Двести тысяч долларов золотом.

«Бредит», – подумал Руднев, сожалея, что у него связаны руки и он ничем не может облегчить страдания умирающего.

– Чего это тут болтают про золото?

Александр обернулся. За его спиной стоял неслышно подкравшийся Фын с револьвером в руке. Отстранив русского, бандит заглянул в повозку.

– Какое золото? Не вздумай темнить, я малость кумекаю по-английски.

– Похорони меня, – просипел раненый. – Мое имя Джон Аллен... Несколько лет назад я взял банк в Калгане...

– Калган? – оживился Фын. – Это Чжанцзякоу. Что он говорит про этот город? Там спрятано его золото? Ну, переводи! Давай! Давай!

Пританцовывая от нетерпения, бандит больно ткнул Руднева стволом нагана под ребра. Золото, где оно? Умирающий не станет лгать, зачем ему теперь золото? В могилу его с собой не унесешь. Но где оно, где?

– Полиция висела у нас на хвосте, но я ушел... И баксы унес... – медленно ронял слова Аллен. – Мешки с золотыми двадцатидолларовиками и бумажки... Все твоим будет!..

Александр переводил, а Фына все больше и больше охватывало возбуждение: он кусал губы, сопел, беспокойно поглядывал то на раненого, то на русского, словно пытаясь уличить последнего в неточности перевода. Но Руднев уже понял: бандит не настолько хорошо владеет английским, чтобы все понимать. К тому же Аллен, судя по выговору, американец из южных штатов – растягивает гласные, употребляет жаргонные словечки. Где уж Фыну разобраться в заокеанском сленге!

– Где золото? Где? Не тяни, спрашивай, пока он не откинул копыта! – Фын снова ткнул русского стволом револьвера.

– Золото спрятано в заброшенном городе пещер, в горах Белые Облака. Найди в Шанхае старого Вока – он покажет дорогу... Пить!..

– Воды просит, иначе не сможет говорить, – сказал Руднев.

Бандит чертыхнулся и побежал к своей кобыле за притороченной к седлу большой кожаной флягой.

– Слушай меня, – с трудом приподнял голову Аллен. – В Шанхае, Вок Вай, старик...

Теряя последние силы, он вновь уронил голову и что-то зашептал.

Саша наклонился, приблизив ухо к губам умирающего.

– Город на воде... Возьми мой тумор, покажи Воку... Старик и капуцин... В пещере колодец... Убитый укажет путь... Воку денег да...

Раненый захрипел и, закатив глаза, дернулся в конвульсиях. На его губах выступила кровавая пена.

– Вот вода! – подбежал запыхавшийся Фын.

– Уже не нужно, – мрачно ответил Руднев.

– Как это?.. Чего он там? – Фын затормозил недвижно лежавшего американца. – Что он еще говорил? – Оставив покойника, бандит подскочил к русскому и приставил револьвер к его виску. – Отвечай, или я вышибу тебе мозги!

– Ты веришь в бред умирающего? – отшатнулся Саша. – Господи, что делает с людьми жажда золота!

– Говори, сволочь! Я всю кровь из тебя по капле выпущу! Отрежу яйца и запихну в твою паршивую глотку, – распалился Фын. – Ну что он еще сказал?

– Не трогай его!

Бандит недоуменно оглянулся. Сзади стоял солдат. Ствол его винтовки был направлен на Фына.

– Я спрятался за повозкой и все слышал, – держа начальника под прицелом, сказал он. – Понял? Все слышал и хочу получить свою долю.

– Хорошо, – облизав губы, неожиданно согласился бандит. – Но сначала пусть бок-гуи скажет нам, что еще он узнал от раненого.

– Убери револьвер! Если ты его убьешь, он уже ничего не скажет, – усмехнулся солдат.

– А чего говорить-то? – вдруг рассмеялся Фын. – Чего? И так известно, где спрятаны деньги, кто покажет к ним дорогу.

– Но дорогу тебе покажут только к заброшенному городу пещер, – уточнил Руднев.

Пришла пора вступить в игру за свою жизнь. Есть на самом деле золото или нет – никто не знает, а как-то выкручиваться нужно.

– Значит, он открыл тебе еще одну тайну? – вскинулся Фын.

– Да, – подтвердил Саша. – Без меня вам не добраться до золота. Предлагаю отправиться за ним вместе. Но прежде похороним американца.

– Я пойду с вами, – не опуская винтовки, сказал солдат.

– Конечно, конечно, – быстро согласился Фын, не сводя глаз с его пальца, лежавшего на спусковом крючке. – Опустит ружье, я не собираюсь тебя обманывать.

– Как бы не так, – ослабил тот, показав редкие крупные зубы. – Сначала брось револьвер, чтобы он случайно не выстрелил мне в спину.

– И тогда ты разделаешься со мной? – криво усмехнулся Фын. – Нам надо поладить. Если мы будем держать друг друга на мушке, то никогда никуда не доберемся. Здесь осталось несколько лошадей. Давай запрежем их в повозку и нагрузим ее самым дорогим товаром. Лучше ехать, чем идти пешком. Согласен?

– Потом все равно придется сесть в поезд: до Шанхая слишком далеко, – возразил солдат. Было видно, что он колеблется, все еще не решаясь поверить в искренность слов бандита и раздумывая, не спустить ли курок.

– Правильно! На лошадях доедем до железной дороги, а там перегрузим товар в вагон или выгодно продадим, – жарко убеждал Фын. – Пусть это быдло немного поработает, – он кивнул в сторону пленных, – а мы приглядим за ним.

– Развяжите мне руки, – попросил Руднев, – я должен выполнить последнюю волю умирающего и похоронить его.

– Хочешь убежать? – быстро обернулся к нему Фын. – Не выйдет! Я ни на шаг тебя не отпущу, пока не доберемся до клада.

– Бок-гуи прав, – неожиданно поддержал Сашу солдат. – Мертвого надо похоронить, чтобы его душа не мешала нам взять золото.

– Ладно, – зло сплюнул Фын, – уговорили. Я пригляжу за русским, а ты грузи товары и запрегай лошадей. Пошевеливайся – солнце уже высоко.

Он сунул наган за пояс и, достав нож, шагнул к Рудневу. Тот протянул стянутые веревкой руки, но бандит, неожиданно крутанувшись, метнул клинок в солдата. Острое лезвие вошло ему в грудь почти по самую рукоять.

Грохнул выстрел: падая, солдат успел нажать на спусковой крючок, но пуля только выбила щебень из-под ног Фына. Пленные разом повернули головы на звук выстрела. Не обращая на них внимания, бандит подошел к убитому и выдернул нож. Потом снял с него патронташ, взял винтовку и кинул все в повозку. Вслед за тем выволол за ноги тело американца и опустил его на землю.

– Как его класть-то? В какую сторону головой? – Фын глянул на Руднева. Тот показал, недоумевая: неужели он сам будет копать могилу?

Меж тем китаец сбегал к другой повозке, вернулся с заступом и начал долбить каменистую землю, смахивая со лба пот и грязно ругаясь сквозь зубы.

– Давай помогу, – на всякий случай предложил Саша, уже не надеясь, что его развяжут.

– Сиди! – огрызнулся Фын.

Прикинув, достаточно ли глубока яма, он решил, что копать хватит, и занялся куда более привычным для него делом – начал ловко обыскивать убитого. Прежде всего был извлечен бумажник. Увидев американские доллары, бандит удовлетворенно хмыкнул. Небольшой револьвер ему тоже очень понравился. Постепенно из карманов американца в сумку Фына перекочевали щипцы для ногтей, позолоченная зажигалка и портсигар, искусно выточенный из панциря черепахи. Наконец, Фын снял с шеи покойника тумор – висевший на тонком шнурке памирский амулет в виде маленького плоского железного бочонка с вставленным в него кусочком голубоватого горного хрусталя.

Руднев замер: сейчас тумор исчезнет в казавшейся бездонной сумке бандита... А без амулета к этому самому старику в Шанхае не подступишься. Впрочем, существуют ли на самом деле золотые доллары, спрятанные в затерянном среди гор древнем пещерном городе? Существует ли знающий туда дорогу старый Вок?.. А вдруг все это правда?

Попросить у Фына тумор на память об Аллене? Нет, наверняка это вызовет подозрение у недоверчивого бандита. Подскочить к нему и ударить ногой в голову? Не успеешь: Фын вооружен и всадит в тебя пулю при первой попытке нападения. Но что же делать, что?..

Тем временем бандит рассматривал амулет, подбрасывая его на ладони и раздумывая – выбросить или все-таки взять? Победила жадность, и тумор полетел в сумку. Закрыв ее, Фын опустил тело американца в яму, забросал землей и положил сверху несколько камней.

– Надо поставить крест – полагается по обычаю, – подал голос Руднев.

– И так сойдет, – вытирая рукавом потный лоб, буркнул Фын. – Давай молись, а я пока нагужу повозку и запрягу лошадей.

Подойдя к могиле, Саша опустился на колени. Кем был умерший американец – католиком, протестантом? Или атеистом, не верящим ни в Бога, ни в дьявола?.. Какая разница – он просил прочитать над ним заупокойную молитву, и надо выполнить его последнюю просьбу.

– Господь Всемогуший, – зашептал Руднев, – прими с миром душу грешного раба твоего...

Продолжая читать молитву, он через плечо поглядывал на Фына. Тот метался между повозками, перегружая в свою самые ценные товары. Его сумка лежала буквально в двух шагах от могильного холмика. В ней амулет, и главное – револьвер! Если удастся его вытащить, появится реальный шанс взять с бою свободу. К счастью, руки связаны спереди, значит, можно изловчиться и выстрелить, когда бандит подойдет. Не поднимаясь с колен, Руднев начал очень осторожно двигаться к сумке. Вот она! Наконец-то! Онемевшие пальцы слушались плохо, но он все же открыл ее, вытащил револьвер и чуть не завыл от отчаяния – разряжен! Проклятый Фын!.. Ладно, надо достать тумор. Где же он?.. Ага, нащупал – шероховатая поверхность,

холодок хрустала... Саша взял амулет и закрыл сумку, чтобы подозрительный китаец ничего не заметил.

Но куда же его спрятать? В карман брюк? Связанными руками не дотянешься. Надеть на шею? Фын сразу увидит. Куда же?.. Ну конечно же в маленький часовой кармашек у пояса! Настороженно оглянувшись, он оторвал зубами пропахший чужим потом, пропитавшийся кровью шнурок, поспешно засунул тумор в кармашек и поднялся с колен. Шнурок затоптал, отбросил ногой подальше. Меж тем китаец уже запряг пару лошадей и сейчас ладил петлю на конце крепкой веревки.

Руднев едва успел подумать: «Зачем?», как Фын ловко накинул на него веревку. Легкое движение – и петля скользнула вниз, крепко стянув ноги у щиколоток. Рывок – и Саша кулем повалился на бок.

– Ты слишком резвый. – Скаля зубы, Фын опутал веревкой все тело пленника и закрепил узел. – Полежишь пока в телеге, а когда отъедем подальше, поговорим о тайнах, которые ты успел узнать.

– Чего уж, давай прямо сейчас, – прохрипел Руднев.

– Тут нас опять могут подслушать, – резонно возразил китаец и, побряхывая от натуги, поволок связанного к повозке. Поставив Сашу на ноги, он перевалил его через низкий задний бортик, положил поверх кучи товара, а сам уселся на передок.

– Небось думаешь: зачем глупый Фын все сам делал, и яму копал, и товары грузил, – разбирая вожжи, продолжал разглагольствовать бандит. – А Фын не дурак. Фын тебя насквозь видит. Такому, как ты, только развяжи руки!

Повозка тронулась.

– А как же остальные? – спросил Руднев.

– Жалко на них патронов, – хлестнув лошадей, отмахнулся Фын. – Лучше о себе думай: если сразу скажешь все, получишь пулю в лоб, и все дела, а если будешь упорствовать...

– Что тогда?

– Тогда нынешняя ночь покажется тебе слишком долгой, – ухмыльнулся бандит. – У тебя есть время для размышлений – до вечера еще далеко.

Они выехали на старую узкую дорогу. Лошади тянули споро, стучали по камням ободья колес, колыхался пробитый пулями, выбеленный ветрами, ливнями и безжалостным солнцем тент повозки, пахло прогретой пылью и горькими придорожными травами. Фын закурил маленькую трубочку с длинным мундшуком, изредка подбадривая лошадей гортанными выкриками и щелканьем кнута. Рудневу, лежавшему на тюках с товаром, было видно, как уменьшались в размерах оставшиеся в лощине фигурки пленных китайцев, все так же безучастно сидевших на корточках у разбитых телег. Вдалеке ступались тучи, заволакивая горизонт мутной пеленой...

Глава 2

Когда на пригорке появились вооруженный всадник и группа пеших, Ай Цин сразу понял: надо уносить ноги. Словно в подтверждение его мыслей, послышался окрик и грохнул выстрел. Хвала богам – пуля тонко пискнула в стороне, распоров полог повозки и, не причинив Цину вреда, но второго выстрела он ждать не стал: стоит ли искушать капризную судьбу?

Ай Цин юркнул под повозку, в которой лежал раненый американец, и ящерицей пополз к камням, ощущая, как от страха противно сводит лопатки: а ну как сейчас забухают новые выстрелы и маленький острый кусочек раскаленного свинца вопьется в позвоночник? Однако, на его счастье, больше не стреляли. Ему удалось найти удобное место, где, оставаясь незамеченным, он мог наблюдать за происходящим в лошине.

Вытащив револьвер, Цин проверил, есть ли в барабане патроны, и взвел курок. Нет, вступить в бой он не собирался, но нельзя, чтобы его застигли врасплох. Мало ли, вдруг неожиданно появившимся людям взбредет в голову проверить, куда он подевался. Тогда револьвер пригодится.

Как и следовало ожидать, начался грабеж каравана. Вскоре Цин установил, что вооруженных грабителей только двое – очевидно, конвоиры, а остальные – группа пленных, а не отряд пехотинцев, как ему показалось. Какая досада! Если бы он затаился под повозкой, то вполне мог сначала пристрелить сидевшего на лошади молодого парня, а потом тщедушного солдата. Впрочем, никогда не следует жалеть о том, что уже сделано: оставшись около каравана, он подверг бы себя немалому риску. Сейчас выходить из укрытия опасно, незамеченным к врагам не подберешься. Значит, придется наблюдать и терпеливо ждать, пока стервятники разграбят товары и уберутся.

Самое ужасное – в повозке остался раненый американец, порученный заботам Ай Цина. Еще бы несколько минут – и он успел бы вытащить Аллена или перезапрячь лошадей, но...

Около телеги, где лежал Аллен, остановился мужчина, выделявшийся среди прочих высоким ростом и светлыми волосами. «Европеец», – понял Цин. Но как он здесь оказался?..

Меж тем события разворачивались. Европеец – кстати, руки у него были связаны – несколько раз заглядывал под полог. Потом к нему подошел конвоир, раньше ехавший на лошади, и ткнул его в бок стволом револьвера – видно, приказывал ему что-то. До Цина долетали лишь отдельные возгласы, но вскоре он все понял: они разговаривают с Алленом! В это время с противоположной стороны к повозке подкрался солдат с винтовкой. Неужели судьба смилостивится над несчастным Цинем и враги перестреляют друг друга?

Забыв, что его могут заметить, он приподнялся, стараясь не пропустить момента развязки: солдат уже направил винтовку на парня, стоявшего рядом со связанным европейцем. Что там у них происходит?.. Что? Если бы услышать, о чем они спорят... Но проклятый ветер относит слова в сторону. Ну, стреляй, солдатик, стреляй! Уложи этого молодчика, а после Цин найдет способ отправить тебя вслед за ним на небеса или в ад.

Однако солдат не выстрелил. Обманутый кажущимся миролюбием противника, он попался на его уловку и в результате получил нож в грудь. Какая разница, кто из них отдал концы? Два вооруженных врага всегда хуже, чем один.

Цин потихоньку пополз вперед, часто останавливаясь и прикидывая, с какого расстояния бить наверняка. Промануться нельзя – все должен решить один меткий выстрел. Тогда он вновь станет хозяином положения. Как там раненый Аллен, жив еще?

Внезапно Цин застыл на месте, не сводя глаз с происходившего около повозки. Китаец вытащил за ноги американца и начал его обыскивать. Великие боги, да ведь он же мертв! Скончался от ран, никто его не добивал... Неужели этот долгомолчальник заговорил, чувствуя, что вот-вот перейдет в мир иной, где деньги ему уже не понадобятся? Но тогда получается, что...

Ай Цин начал осторожно пятиться, забыв о недавнем намерении разделаться с врагом. Теперь понятно, почему убили солдата – тот стал нежелательным свидетелем рассказа умирающего. Значит, тайна Аллена перешла как бы по наследству к молодому китайцу и светловолосому европейцу... Кому открылся Аллен и полностью ли открылся?.. Быть может, каждый из них владеет лишь частью тайны?.. Убьешь одного – ничего толком не узнаешь. Надо быть полным идиотом, чтобы сейчас напшиговать этих парней свинцом. Пока они живы – жива и тайна. Вскоре они обменяют ее на легкую смерть. Языки им развяжут быстро. У нас такие мастера найдутся. Главное – не упустить этих парней!

Затаив дыхание Цин смотрел, как хоронили американца. Ничто не укрылось от его внимательных глаз. Ишь, какой ловкач европеец: тайком залез в сумку конвоира и достал револьвер. Неужели сейчас выстрелит?.. Однако ничего не произошло, и Цин с облегчением вздохнул: два языка надежнее! Только бы китаец не убил европейца... нет, обошлось...

Светловолосому связали ноги и бросили в повозку. Конвоир перепряг лошадей и погнал их по старой дороге, оставив пленных на произвол судьбы. Действительно, зачем они ему, если впереди маячит несметное богатство?

Итак, надо действовать, не теряя драгоценного времени. Аллен лежит в земле, повозка, вздымая пыль, катит все дальше и дальше.

Поднявшись, Цин отряхнул халат, засунул револьвер за пояс и побежал за скалу, где паслась заранее спрятанная лошадь. Забравшись ей на спину, он уцепился за жесткую гриву и стукнул каблуками по грязным бокам. Лошадь нехотя пошла, помахивая головой и явно намереваясь при первом же удобном случае скинуть надоедливую седушку. Но как же медленно она тащится!

Выхватив револьвер, Цин начал бить кобылу рукояткой по крупу, вкладывая в каждый удар злость на ленивое животное и все больше распаляясь от терзавшего его нетерпения. Ну, пошла же, пошла, проклятая!

Взбрыкивая от боли, кобыла затрусила рысцей. Как только она замедляла бег, Ай Цин вновь начинал остервенело колотить ее, заставляя не снижать темпа. Он спешил подняться на гору, откуда прекрасно видна дорога: надо убедиться, что повозка не свернула на развилке.

Наконец, отступаясь и выбрасывая из-под копыт мелкие камешки, лошадь тяжело взобралась по крутой тропе на вершину горы. Цин взгляделся в облачко пыли: свернут или нет? Несколько минут томительного ожидания, и его губы растянулись в довольной ухмылке. Не свернули!

Взбадривая кобылу испытанным способом, он погнал ее вниз и поскакал по еле заметной стежке, петлявшей среди камней. Примерно через час показалось небольшое селение, около которого его встретила группа пестро одетых вооруженных людей.

– Жао здесь? – первым делом спросил у них Ай Цин.

– Здесь, – ответили ему, беря лошадь под уздцы. Спешившись, Цин устало поплелся к фанзе с часовым у дверей.

Жао – сорокалетний, плотный и широколицый – был один. Поджав ноги, он сидел на кане² и ел приправленное острым соусом мясо. Палочки в его руке так и мелькали, вылавливая лакомые кусочки из синей фарфоровой миски. Подняв глаза на вошедшего, он в первый момент застыл от удивления, но тут же встрепенулся и хрипло спросил:

– Ты?! Что произошло?

Не отвечая, Цин выхватил у него из рук миску с остатками мяса и начал жадно есть, мыча от удовольствия. Жао поправил лежавшую на коленях деревянную кобуру маузера и некоторое время наблюдал за ним с кривой ухмылкой.

– Кончай жрать, – наконец не выдержал он. – Что случилось?

² Кан – теплая лежанка в фанзе.

– Аллен умер, – не переставая жевать, пробормотал Цин.

Резко вскочив, Жао метнулся к нему и мускулистой рукой так сдавил его горло, что Ай Цин выпучил глаза и поперхнулся.

– Ты убил его? – встряхнув Цина, как тряпичную куклу, прошипел Жао. – Отвечай! Где золото?

Несчастный в ответ только сипел, пытаясь оторвать от горла железные пальцы Жао, не зря прозванного Быстроруким. Наконец хватка немного ослабла, и Ай Цин натужно закашлялся. Получив тяжелой ладонью крепкий удар по спине, он выплюнул непроглоченный кусок, всхлипнул и часто задыхался.

Привлеченный шумом, в фанзу заглянул телохранитель Чжоу, но хозяин махнул рукой, и он тут же исчез, сморщив в улыбке лошадиное лицо.

– Ну?! – Жао остановился над бессильно опустившимся на пол Цином.

– Караван обстрелял самолет, – растирая онемевшую шею, прошептал Ай Цин. – В американца попали три пули, а я чудом уцелел. Он скончался, и его похоронили на моих глазах.

– Где золото? – наклонившись к нему и заглядывая в глаза, тихо спросил Жао. – Ты узнал, где спрятано золото?

– Кажется, он открыл перед смертью тайну, – на всякий случай отползая назад, зачастил Цин. – Не мне, нет! Ее узнали трое, но один из них уже убит, а двое других едут в повозке по старой дороге. Я поспешил сюда, чтобы предупредить тебя.

На скулах Жао заходили желваки – верный признак приближающейся вспышки ярости. В такие моменты Быстрорукий, прекрасно владевший приемами древнего боевого искусства, мог покалечить, а то и убить, поэтому Ай Цин не стал медлить. По-собачьи глядя ему в глаза, он монотонным, слабым еще голосом рассказал, как погиб американец и что произошло после этого в лощине, где остановился разбитый караван. Постепенно Жао успокоился.

Выслушав Цина до конца, он уселся рядом с ним на пол и, угостив сигаретой, задумался.

Ситуация непростая, но разве бывает когда-нибудь простым путь к большому богатству? Может, у кого другого такое и случается, но только не у него, которому все приходится добывать потом и кровью.

Несколько лет назад Жао работал в криминальной полиции Шанхая. Вместе с ним работал и Цин – его дальний родственник, многим обязанный семье Быстрорукого. Хотя бы уж тем, что именно Жао пристроил его на теплое местечко. Именно тогда банда появившихся из дальних краев гангстеров совершила дерзкое ограбление банка в Чжанцзякоу, взяв двести тысяч золотом и мешок бумажных денег. Банк серьезно пострадал: доллары-то были американские, а не китайские или мексиканские.

Однако гангстеров с самого начала преследовали неудачи: пришлось вступить в перестрелку с охранниками, а потом полиция гналась за ними по пятам, убивая одного за другим. Все погибшие были белыми и – надо отдать им должное – до последней минуты дрались как дьяволы. Лишь двоим удалось оторваться от погони и унести награбленное. С тех пор их след потерялся, а мертвые, как известно, молчат. Но украденное золото нигде не всплывало, и Жао решил, что оставшиеся в живых бандиты терпеливо ждут, пока про них забудут, а потом без помех воспользуются добычей, припрятанной в надежном месте.

Мысль об огромной сумме в двести тысяч золотом не давала Жао покоя ни днем, ни ночью, и он начал вести самостоятельное расследование. Спустя год ему удалось установить имена оставшихся в живых гангстеров и выйти на след одного из них – американца Аллена. Кропотливо, буквально по крохам собирая информацию, Жао узнал, что Джон Аллен убил приятеля и стал единоличным владельцем похищенного. Но где оно спрятано? Об этом знал только сам янки.

Цин как мог помогал родственнику. Они готовились захватить Аллена и развязать ему язык – разумеется, в тайне от начальства и в собственных интересах, но тут все смешалось.

Началась смута, разразилась междуусобная война, охватившая всю страну, и след американца вновь затерялся на несколько лет.

Тем не менее Жао не оставлял надежды, терпеливо продолжая поиски. Из полиции он давно ушел. Ветер войны кидал его из одного лагеря в другой, переносил на крыльях победы и мутных волнах поражения из провинции в провинцию, и в конце концов Быстрорукий организовал собственный отряд головорезов, формально подчинявшийся одному из генералов. Как известно, кто ищет, тот найдет. Удача вновь улыбнулась Жао – отыскался след, казалось, безвестно пропавшего янки. Заслуживающий доверия осведомитель донес, что Аллен примкнул к богатому купеческому каравану, отправлявшемуся на северо-запад. Поразмыслив, Быстрорукий рассудил: прошло несколько лет, об ограблении банка успели забыть, а золото лежит себе где-то и не ржавеет, на то оно и золото! Американцу сейчас самое время взять его и махнуть домой, навсегда распрощавшись с Поднебесной империей Хань, то бишь с Китаем. Иначе зачем он вдруг вылез из темного угла, где так долго хоронился от чужих глаз, и подался к купцам? Все ясно: решил вместе с караваном добраться до клада, не привлекая к себе ненужного внимания.

Ай Цину было приказано не спускать с Аллена глаз, повсюду следуя за ним тенью, а как только запахнет золотыми долларами, немедленно сообщить об этом Жао через надежного человека, который тоже примкнул к каравану. Естественно, «надежный человек» ничего не знал об истинной причине путешествия Аллена и Цина в компании купцов.

Сейчас Аллен лежит в могиле, «надежный человек» убит при обстреле каравана с самолета, купцы тоже погибли, а Цин сидит здесь, в фанзе... Не верить его рассказу? Но зачем Цину лгать? Он же знает, какова расплата за обман, и побоится плести небылицы.

Жао хлопнул в ладоши, его телохранитель Чжоу внес поднос с чайниками, полными вина.

– Проследи, чтобы нас не беспокоили, – велел Быстрорукий.

Подав один чайник Цину, бывший полицейский припал губами к носику другого и сделал добрый глоток. Отличное вино. Теперь закурить сигарету. Теплая волна, поднимаясь от желудка, растекается по телу, а табачный дым будоражит мозг, помогая отыскать единственно верное решение.

– Ты думаешь, Аллен открыл им тайну? – потягивая из чайника вино, нарушил молчание Жао.

– Видимо, да, – откликнулся Цин.

– Эти двое едут по старой дороге?

– Да. Им теперь некуда свернуть. Я хорошо знаю здешние места. К вечеру они достигнут ущелья Желтых скал и наверняка останутся там до утра: сейчас беспокойно вокруг.

– Интересно, почему европейца везут связанным? – пуская кольца дыма, протянул Жао. – Впрочем, мы скороэто узнаем. Собирайся, поедем за ними.

– Боишься, что они сумеют скрыться? – вскочил Цин.

– Куда им деваться! – усмехнулся Быстрорукий. – Вокруг мои люди, а за ущельем Желтых скал выставлен дозор: я не люблю, когда меня застают врасплох. Понимаешь, мне не терпится взглянуть на парней, решивших заграбастать наследство Аллена, не имея на такую милость судьбы никаких прав.

– Конвоир вооружен, – напомнил Цин.

– Ерунда! – отмахнулся Жао.

– Но они ведь нужны тебе живыми.

– Что ты предлагаешь? – обернулся к нему бывший полицейский.

– Дождаться ночи, – почтительно поклонился Ай Цин.

– Мое нетерпение сильнее осторожности. Я хочу идти за ними по пятам, как тигр за добычей. – Жао приоткрыл дверь и крикнул: – Чжоу, вели седлать лошадей!

Когда начало смеркаться, Фын решил устроить привал. Кони устали, взмокли и сейчас едва тащились, тяжело поводя боками. Остановив повозку, китаец выпряг их, стреножил и пустил пастись на чахлой траве, кустиками росшей у подножия скал. Потом он выволок Руднева и, привалив его к грязному колесу, отправился за топливом для костра.

Лежа на боку, Саша осмотрелся. Ночевать предстояло в длинном узком ущелье, зажато между высокими желтоватыми скалами, зубчатые вершины которых четко вырисовывались на фоне неба. Мрачноватое место, неудобное какое-то, навевающее тоску и смутную тревогу. Около нагретых за день палящим солнцем камней стайками вилась мелкая мошкара, высоко над головой робко мерцала первая звезда, порывами налетал шальной ветер, скручивал в маленькие смерчи сор и пыль, гнал их в глубину ущелья и возвращался, чтобы вновь улететь прочь.

Пришел Фын, бросил возле небольшого валуна кучу нарубленных ножом корявых веток, сорвал пук сухой травы и высек огонь. Вскоре запылал маленький костер.

Китаец вытащил из повозки треножник, котелок и мешочки с припасами. Налил в котелок воды и, пристроив его на треножнике над костром, отмерил немного риса.

– Тебя кормить не буду, – помешивая щепкой закипавшую воду, ухмыльнулся Фын. – Нечего зря добро переводить.

– Корми не корми, все равно я ничего не скажу, – буркнул Руднев.

– Скажешь, куда денешься. – Бандит высыпал в котелок рис и отряхнул ладони. – Заставить упрямого говорить совсем нетрудно. Есть много способов. Огонь, например. Больно он жжет, ох, и больно! Потерпишь, пока сил хватит, а там все и выложишь – лишь бы перестали пытаться. Не ты первый, не ты последний. Так что не сомневайся – скажешь.

– А если нечего?

– Что нечего? – недоуменно оглянулся Фын.

– Да сказать нечего.

– Как это нечего? – неприятно удивился бандит. – Ты же сам сболтнул, что без тебя золота не найти. Неужели надеялся, что я возьму тебя в долю? Это же надо быть таким идиотом! Зачем делиться, если я могу получить все? Целое всегда больше половины.

Выкурив трубку, Фын принялся есть. Саша глотал тягучую голодную слюну, с трудом ворочая языком. Мучительно хотелось пить, руки и ноги затекли и уже не чувствовали впившейся в них веревки. Плохи дела: вряд ли удастся освободиться от пут, а если вдруг и появится такой шанс, то нарушенное кровообращение долго не восстановится. Да нет, ничего у него не получится. Фын вооружен и является полновластным хозяином положения: в этом безлюдном месте может делать со связанным пленником все, что захочет. Видно, судьба такая выпала – умереть на чужой земле от руки бандита... Спаси может только чудо... Однако за время странствий Руднев чудес что-то не видел. Люди попадались всякие: хорошие и не очень, добрые и злые, щедрые и жадные, разных рас и вероисповеданий, с разным цветом кожи и глаз, но среди них не было чудотворцев. Где они, чудеса?.. Разве что в сказках...

Кончив есть, Фын подбросил веток в огонь и снова вытащил трубку. Неспешно набив ее табаком, прикурил от уголька.

– Ну, время раздумий подходит к концу, – выпуская кольца дыма, сказал бандит. – Видишь, на небе зажглись первые звезды, близится ночь, за долгий день мы оба смертельно устали и надо хорошо отдохнуть. Скажи все и с легкой душой отправляйся на вечный покой, а я лягу спать. Высплюсь и утром проснусь с надеждой на богатство. Неплохо, верно?.. Ну, что решил – будешь говорить или тебе охота помучиться?

Руднев молчал. К чему слова? Что они для Фына? Сейчас бандит куражится, распаяя себя и стараясь запугать и подчинить своей воле пленника. Быть может, сказать ему?.. Иного выхода вроде бы не предвидится...

– Странные люди эти белые, – продолжал разглагольствовать китаец. – Нет бы спокойно переселиться к предкам! А они хотят перед смертью помучиться. И ты такой же. Ведь молчи не молчи, а до зари все равно не доживешь.

Не дождавшись ответа, он выбил из трубки пепел, подошел к костру и, достав нож, сунул лезвие в огонь.

– Полежи, бок-гуй. Придется немного подождать, пока железо раскалится докрасна. Выбери, с чего мы начнем – с глаз, что ли? Или сначала займемся пальцами ног? Кстати, соски на груди очень чувствительны не только у женщин. Можно и что-нибудь другое придумать. Знаешь, сколько таких мест на человеческом теле? Прикоснешься к ним раскаленным железом и вмиг узнаешь самые сокровенные тайны.

Незаметно в ущелье сгустилась темнота, разрываема лишь слабым, колеблющимся светом костерка. На лицо склонившегося над огнем Фына падали красноватые отблески, и от этого оно казалось жутковатой ритуальной маской, раскрашенной в зловещие черно-багровые цвета. Бандит выхватил из костра нож и показал сжавшемуся от ужаса Рудневу ярко рдеющую точку на конце клинка.

– Здесь никто не услышит, как ты завоешь от боли, – медленно приближаясь к связанному пленнику, усмехнулся Фын. – Последний раз спрашиваю: что ты выбираешь?

Наклонившись над Сашей, китаец провел кончиком ножа около его губ, заставив почувствовать нестерпимый жар и запах раскаленного металла.

– Говори, говори, – словно заклиная, шептал он, все ближе поднося нож к щеке замершего пленника.

Внезапно Фын выпрямился и обернулся. Руднев не поверил своим глазам: в кругу света, отбрасываемого костром, стоял китаец в темной куртке и широких шароварах, заправленных в мягкие сапоги. Он пристально смотрел на Фына, потерявшего от изумления дар речи. Откуда взялся этот человек, как сумел неслышно подобраться? Вероятно, занятый смертельной игрой бандит и его скованный ужасом пленник не услышали крадущихся шагов.

Фын поудобнее перехватил рукоять ножа, на клинке заплескал багровый отблеск, но стоявший по ту сторону костра человек не шелохнулся. Тогда бандит чуть подвинулся вперед и цепким взглядом окинул фигуру незнакомца, пытаясь уловить и предупредить любое его движение. Этот человек несомненно враг – кто еще мог появиться ночью в глухом ущелье?

В темноте тревожно заржала лошадь, и Фын слегка повернул голову, желая убедиться, что с той стороны ему не грозит новая опасность. И в тот же миг незнакомец прыгнул и нанес ему ногой сильный удар в грудь.

Фын без звука осел. Звякнул выпавший из его рук нож. Из темноты появились какие-то люди, ведущие под уздцы лошадей. Незнакомец быстро обыскал бандита и связал ему за спиной руки.

– Жив? – Около затухающего костра появился широколицый китаец средних лет, державшийся надменно и властно.

– Пока доедем, придет в себя, – легко взвалив Фына на плечо, ответил первый.

– Запрягайте, – распорядился начальник.

Саша почувствовал, как его поднимают и кладут на тюки с товаром рядом со связанным Фыном.

Что произошло? Кто эти внезапно появившиеся спасители? Но почему его не развязали? Или пленник для них всего лишь новая добыча?.. Не попасть бы из огня да в полымя...

Один из неизвестных сел на козлы и стегнул кнутом лошадей. Заскрипели колеса, послышался топот копыт – следом ехали верховые. Очухавшийся Фын тихонько застонал и начал вертеться, пытаясь хоть немного ослабить узлы на веревках, стягивавших руки и щиколотки, но «ночные работнички» вязали умело и крепко.

Вскоре повозка выбралась из тесного ущелья на торную дорогу. Из-за рваных туч выплыла неправдоподобно огромная луна, мертвенно-зеленым светом залив окрестность. На пологие повозки заколыхалась огромная черная тень скакавшего рядом всадника. Изловчившись, Фын подкатился поближе к Саше и шепнул:

– Разгрызи веревку у меня на руках. Потом я освобожу тебя и убежим. Клянусь, все поделим пополам.

– Дурак, – отодвинулся от него русский. Куда бежать, если рядом верховые? И потом, разве можно верить такой сволочи?

Фын зашипел и впился зубами в плечо Руднева. Невольно вскрикнув от боли, Саша отпихнул его коленом и резко боднул головой. Бандит разразился грубой бранью. Возница оглянулся. Свистнул бич, и на пленников посыпались жестокие удары.

– Не дергаться! Лежать смирно!

Сзади к повозке приблизился один из верховых и предупредил:

– Будете шуметь – поведем с веревкой на шее!

Фын затих. Усталые лошади шли медленно, дорога была каменистой, и повозка то и дело подпрыгивала, но Саша уже не чувствовал боли в совершенно онемевших руках и ногах. Только саднило прокушенное Фыном плечо да горели рубцы, оставленные бичом. Один удар краем задел щеку, и теперь она припухла, словно от укуса злой черной пчелы. Голова кружилась, нарастала слабость, и Руднев в конце концов потерял сознание.

Когда он очнулся, уже светало. Повозка въезжала в какое-то селение. Судя по домам, видневшимся из-за плеча возницы, это был небольшой городишко – грязный, пыльный, с узкими улочками. Вывески убогих лавок, бедно одетые прохожие, запах нечистот – все как в любом подобном месте.

Фын лежал на боку, спиной к Рудневу. Посиневшие пальцы его связанных рук беспокойно шевелились: он не оставлял надежды ослабить веревку и освободиться. Но тщетно.

Вскоре повозка свернула и въехала во двор большого двухэтажного каменного дома, обнесенного глинобитной стеной. Кони встали. Верховые спешили и, разминая затекшие после долгой дороги ноги, оживленно переговаривались с толпившимися во дворе вооруженными людьми. Пленников опустили на землю и посадили к стене дома. Поигрывая плетью, подошел начальник отряда. За ним следовали тощий человек в синем халате и тот, в черной куртке, ловко сваливший Фына у костра.

– Увести! – ткнув плетью в сторону пленных, распорядился начальник.

– Кого куда? – зевнув, спросил китаец в темной куртке.

– Этого посадишь отдельно, – начальник кивнул на Фына, – а второго накормить и к белому. Пусть пока отдохнет немного – нужен свеженьким.

Он повернулся и направился к двери. К Рудневу подскочили два молодых парня с длинными косами, разрезали веревку, подняли. Но ноги не слушались, и Саша со стоном повис на руках конвоиров. Тогда они опустили его на землю и принялись растирать запястья и массировать икры. Русский застонал от боли. Один из парней удовлетворенно засмеялся:

– Шанго! Хорошо!

Второй принес пиалу и начал кормить Сашу, как ребенка. Сидевший рядом связанный Фын бормотал под нос ругательства, требуя, чтобы его тоже освободили и накормили, но парни не обращали на него внимания.

Глотая рис, Руднев поглядывал по сторонам. К его удивлению, во дворе стояли повозки вчерашнего каравана. Быть может, он попал к шантуаням – «бумажным тиграм», как называли купеческих наемников, охранявших караван, склады и магазины? Или здесь штаб-квартира миньтуаней – деревенской милиции, отрядов самообороны? Впрочем, разницы никакой: и те и другие были грабителями и насильниками, мало чем отличавшимися от банд гоу-юй.

Саше сунули в рот тонкую лепешку и приказали подняться. Но идти он не мог – ноги слушались плохо, подкашивались и заплетались. Тогда конвоиры подхватили его под руки и, подбадривая пинками, поволокли в дальний угол двора. Там, устроившись прямо на земле, четверо парней в поношенных солдатских мундирах резались в карты. Их карабины валялись рядом.

– Где большой бок-гуй? – спросил один из конвоиров.

– Там. – Не оборачиваясь, солдат мотнул головой в сторону воткнутого в землю шеста с грязной тряпкой на конце.

Шест возвышался, над деревянной, сколоченной из толстых брусьев решеткой. Под ней чернело отверстие глубокой ямы. Руднев похолодел: подземная тюрьма! Боже, куда его занесло!

Он попытался вырваться, но сил не было, да и парни не думали шутить. Получив сильный удар в живот, Саша рухнул на колени. Не теряя времени, конвоиры подняли решетку и спихнули пленника в яму. От резкого удара о земляной пол ступни словно кипятком обожгло. В нос шибануло смрадом, таким густым, что его хоть ломтями режь. Пискнув, из-под ног выскочила крыса – рыжая, кажется, в сумраке было не разглядеть – и моментально скрылась. Руднев поднял голову. Вверху, сквозь решетку, виднелись ухмыляющиеся рожи конвоиров. Потом они исчезли.

Саша осмотрелся. Яма походила на громадный кувшин с запечатанным решеткой горлом. Внизу пространство расширилось, можно было стоять, пригнувшись. В углу зашевелилась какая-то темная масса, и хриплый бас недовольно пробурчал на родном русском языке:

– Осторожнее, вы чуть не задавили Мольтке!

– Кто тут?

– Ага, проклятые ходи³ приволокли соотечественника!

Раскидывая прелую солому и ворочаясь шумно, словно медведь в берлоге, от стены отделился огромный человек. Выпрямиться он не мог – слишком был велик – и приблизился к Саше на четвереньках. Его изуродованное шрамом лицо густо заросло щетиной, борода торчала клочьями, а единственный глаз глядел на «вновь прибывшего» с явным интересом.

– Позвольте представиться. Капитан Лобанов, Юрий Петрович.

– Руднев, Александр Иванович, – назвалса Саша, усаживаясь на пол. – А вы случайно не князь Лобанов-Ростовский?

– Нет, к князьям Ростовским отношения не имею, – засмеялся гигант, устраиваясь рядом. – У меня тут есть маленький приятель. Я его зову Мольтке, поскольку он рыжий, как пруссак. Сейчас познакомитесь.

Юрий Петрович тоненько засвистел, послышался шорох, и Руднев увидел, как из норки высунулась крысиная мордочка. Грызун некоторое время принюхивался, шевеля усами, а потом исчез.

– Стесняется, – усмехнулся Лобанов. – Ничего, привыкнет. Единственное развлечение, поверьте. Надолго в наши палестины?

Единственный глаз Юрия Петровича озорно подмигнул, и Саша вдруг не без страха подумал, что его сосед тронулся умом от одиночества. Судя по бороде, он здесь уже давно.

– Думаете, у меня мозги набекрень? – заржал гигант, фамильярно хлопнув Руднева по спине тяжелой лапой. – Нет, милейший, я в здравом уме и твердой памяти. И даже еще не созрел для каннибализма, хотя кормит господин Жао отвратительно и крайне нерегулярно. Сами убедитесь.

– Жао? Кто это?

³ Ходи – презрительное название китайцев в дореволюционной России.

– Главарь банды, которая нас тут держит, – зло сплюнул Лобанов. – Закурить у вас... случаем... не найдется? Простите великодушно, но озверел без папирос – почти месяц сижу.

– Нет, табак отобрали еще вчера, – сокрушенно развел руками Руднев. – А за что вас?

– Имел несчастье попасть в плен. – Юрий Петрович улегся на спину, закинул могучие руки за голову. Саша наконец разглядел, что его товарищ по несчастью одет только в грязное исподнее белье.

– Воевали?

– Это моя профессия, – гордо ответил гигант. – Воевал с немцами, потом с красными, а здесь сколотили офицерский батальон и подались в наемники к одному китайскому генералу. Игрушечная война! Но платили нормально. Жить-то на что-то надо? Кому нужен бывший командир команды охотников?

– Значит, вы были разведчиком? – уточнил Саша.

– Какая теперь разница? Все мы кем-то были... Мне напоследок не повезло: легкая контузия, а очнулся уже в плену. Через пару дней меня продали, как скотину, этому прохиндею Жао. А он считает, что за меня можно взять выкуп. Но кто заплатит, если никому даже не известно, где я нахожусь?

– А если написать?

– Куда? На деревню дедушке? Бросьте, Александр Иванович, пустые фантазии. Некому за меня платить. Извините за нескромность, но хотелось бы узнать, с кем имею честь разделить пристанище?

Саша задумался. Как в нескольких словах рассказать свою одиссею? Иногда кажется, что только вчера оставил родительский дом, а оглянешься на прожитое, и дух захватывает от чудовищного нагромождения событий. Да и стоит ли изливать душу этому одноглазому гиганту? Нет, от мысли, что Лобанов специально посажен в яму, Руднев был далек, но береженого и Бог бережет...

– История заурядная, – медленно начал он, – не знаю, покажется ли она вам интересной? Учился в Хабаровском кадетском корпусе, потом попал в окопы, получил «Георгия» и чин прапорщика, в лихолетье очутился в Харбине. С детства немного говорил по-китайски, вернее, на шанхайском наречии. Подался на заработки, был шофером, охранником в банке, а потом устроился бодигаром, то есть телохранителем, к местному купцу-миллионеру. Поехали с ним по торговым делам в южные провинции, да случилось непоправимое: хозяина убили.

– Ай-яй-яй, не повезло! – искренне посочувствовал Юрий Петрович. – Как же это случилось? Не углядели?

– Хунхузы, – горько усмехнулся Руднев. – Банда. Мне чудом удалось отбиться, и подался я пешком прямо на север, поближе к своим, поскольку в кармане ни гроша. Вчера попался людишкам генерала Чжу Пея, а ночью из их плена угодил в другой. Вот и все.

– Значит, тоже покормили вшей на фронте? Поздравляю, батенька! Должны иметь боевой опыт.

– Хотите предложить вступить в офицерский батальон? – засмеялся Саша. – Шутник вы, Лобанов! Посмотрите, что вокруг делается.

– Знаете, как развлекается господин Жао? – Капитан рывком сел и уставился единственным глазом на Руднева. – Слышали про «золотой кирпич»?

При слове «золотой» Александр насторожился, но не подал виду. Куда клонит Юрий Петрович? Неужели судьба свела его с еще одним искателем сокровищ, готовым продать за них душу дьяволу?

– Человека ставят в согнутом положении и кладут на спину груз, – продолжал Лобанов. – Господин Жао и его телохранитель Чжоу обожают делать это на солнцепеке. Когда простоишь так несколько часов, небо с овчинку покажется. Такой вот «золотой кирпич»... Или еще одно любимое развлечение: двоих зарывают по пояс в землю друг против друга и дают им в руки

палки. Хочешь жить – забей насмерть противника! Насмотрелся, хватит. Предлагаю бежать, пока не поздно. Сам Бог послал мне вас: неужели два русских офицера не найдут способа вырваться из земляной темницы? У меня и планчик есть, нашлось время подумать. Соглашайтесь, Руднев, все одно – погибать!

В сумраке раздался шорох и писк, промелькнула рыжая крыса. Похоже, Мольтке освоился? Наверху резались в карты караульные, до узников доносились их азартные возгласы. Где-то ржала лошадь, слышался визгливый голос торговца, пытавшегося выгодно сбыть залежалый товар.

– А чего же вы раньше?.. – вглядываясь в лицо Лобанова, спросил Саша. «Бежать... Быть может, капитан действительно тронулся на почве фантастической идеи побега?»

– Да решетку-то эту проклятую не открыть в одиночку, – вздохнул Юрий Петрович. – Допрыгну, уцеплюсь, а собственный вес мешает, не дает сдвинуть с места. Вот если бы вдвоем! Караульная служба у ходей поставлена из рук вон плохо: пьют, шляются где попало, дрыхнут. Правда, пару раз заметили, как я цепляюсь за решетку, и досталось мне по пальцам прикладом.

– Надо знать, куда бежать, – возразил Руднев.

– К железной дороге, – придвинувшись ближе, жарко зашептал капитан. – Направление я запомнил, когда меня сюда везли. К утру доберемся. Жао туда не сунется.

– Откуда вы знаете?

– От нечего делать слушаю, о чем болтают наверху, – усмехнулся Лобанов. – Попытаемся, а? Уж лучше от пули умереть, чем сгнить здесь ни за понюх табаку.

– Ну хорошо, положим, я соглашусь. Что мы будем делать?

– Для начала придется довериться мне. Я встану вам на плечи, открою решетку, вылезу и вытащу вас. А там – как повезет.

– Почему не наоборот? – недоверчиво поглядел на него Саша.

– Вам решетку не открыть, – вздохнул Юрий Петрович. – И вытянуть меня сил не хватит. Я хоть и отощал, но пудов семь во мне будет. Ну как, по рукам?

Поразмыслив, Руднев протянул капитану руку. Тот сжал ее в своей огромной ладони и единственным глазом пристально посмотрел Саше в лицо.

– Сегодня ночью!..

Разговор иссяк. Предусмотрительный Лобанов предложил лечь спать, чтобы набраться сил и, показывая пример, завалился на трухлявую солому. Руднев тоже прикорнул в другом углу ямы. Казалось, уснуть не удастся, но, едва закрыв глаза, он провалился в небытие. Очнувшись от стука, доносившегося сверху.

Открыв глаза, Саша увидел, что капитан стоит посреди ямы, задрал голову. Решетку откинули и на тонкой веревке спустили вниз кувшин с водой и две лепешки с завернутыми в них вареными овощами.

– Обед и ужин! – торжественно провозгласил гигант, отвязывая кувшин. – Эй, ходи! Не пора ли увеличить порцию?

...Наверху выругались, и решетка захлопнулась. По стенкам колодца зашуршала осыпающаяся земля, мелькнула тень охранника, и все стихло.

– Угощайтесь. – Лобанов протянул Саше лепешку. – От щедрот господина Жао, чтоб ему... Утром они придут за кувшином, а птички – фьють!

– Что вы так кричите? Они же могут понимать по-русски.

– Ни бельмеса они не понимают, – впиваясь в лепешку острыми белыми зубами, засмеялся Лобанов, и Саша подумал, что его товарищу, наверное, не так много лет, как кажется. – Проверено. Есть тут один, может ругаться матом, но не более того. Ешьте. Кстати, естественную нужду приходится справлять прямо здесь, не обессудьте, не «Савой». Да, а где Мольтке? Ну-ка, иди, получи свою пайку, бродяга!

Руднев едва успел брезгливо поджать босые ступни, как мимо них шмыгнула рыжая крыса и, схватив брошенный ей капитаном кусок лепешки, исчезла в норе.

– Бедняга! Как он тут без меня будет? – глотнув из кувшина, вздохнул Юрий Петрович.

– Жалеете? – усмехнулся Саша. Юрий Петрович в ответ только пожал широченными плечами и протянул ему кувшин с остатками воды...

Темноты ждали долго. Казалось, день никогда не кончится. Время томительно тянулось. Капитан несколько раз подходил к колодцу и подпрыгивал, надеясь увидеть, что творится наверху. Однако хвататься руками за брусья решетки не решался, чтобы не настораживать охрану.

Рудневым тоже овладело чувство беспокойного нетерпения. Скорее бы стемнело! Не терпится начать действовать. До чего мучительно ожидание? Конечно, план Лобанова безрассудно смел, рассчитан на везение и неизбывное русское «авось», но если есть хоть один шанс из тысячи, стоит рискнуть. Не зря же древние говорили: непроявленная доблесть постыднее проявленной трусости!

Наконец Юрий Петрович знаком поманил Сашу.

– Готовы? Пожалуй, пора! Наверху угомонились. Расставьте ноги пошире и упритесь руками в стенки. Я подпрыгну, уцеплюсь за решетку и встану вам на плечи.

Несколько раз глубоко присев, он рывком бросил тело вверх и повис, уцепившись за брусья решетки. Не теряя драгоценных секунд, Руднев подскочил, поймал огромные босые ступни капитана и поставил их себе на плечи. Сразу навалилась жуткая тяжесть, мелькнула мысль: что же будет, когда Лобанов начнет открывать решетку и весь многопудовый груз его тела ляжет на стоящего внизу? Но раздумывать было некогда. Саша раскинул руки и изо всех сил уперся ладонями в стенки колодца, покряхтывая от напряжения и чувствуя, как на лбу вздуваются набухающие кровью жилы. Колени дрожали и подгибались, позвоночник, казалось, вот-вот треснет и сломается, в ушах появился противный гул, сердце молотом стучало в грудную клетку.

Наверху полусшепотом зло матерился Лобанов. Его ступни нещадно мяли плечи Руднева, но Саша крепился и терпел, понимая, что огромная сила и рост Юрия Петровича просто подарок судьбы. Два обычных человека, даже встав на плечи друг другу, не смогли бы сдвинуть решетку.

Нет, больше не выдержать... Сейчас он лишится чувств и рухнет на дно ямы... Но тут решетка скрипнула, грязные ступни Лобанова мелькнули перед лицом Руднева и исчезли в темноте. Потом по земле проволокли что-то тяжелое, и вскоре послышался свистящий шепот капитана:

– Давайте руку! Прыгайте, я поймаю.

Саша подпрыгнул, вытянув обе руки над головой, но Юрий Петрович промахнулся. Пришлось повторить попытку. Наконец пальцы Лобанова намертво сомкнулись на запястье правой руки Руднева и потянули его наверх. И тут до них донесся душераздирающий вопль...

Глава 3

Отправив узников в яму, Жао, довольный удачно завершённой операцией, плотно поел и лег отдыхать. Во второй половине дня он осмотрел товары, найденные на месте гибели каравана и перевезенные во двор его штаба. К сожалению, оставшиеся в лощине пленные сумели избавиться от пут и часть добра растащили. Впрочем, двоих поймали и примерно наказали. Вернувшись в дом, Быстрорукий выпотрошил сумку Фына, в которую тот сложил вещи погибшего американца.

Взяв черепаховый, оправленный в позолоченное серебро портсигар, Жао подкинул его на ладони и лукаво прищурился.

– Цин, белый курит?

– Не знаю, – откликнулся сидевший в углу комнаты Ай Цин.

– А второй?

– Да, сосет трубку. Это я видел.

– Трубку, значит... – протянул Жао и открыл портсигар. Увидев сигареты, он хмыкнул и, захлопнув крышку, задумчиво побарабанил по ней пальцами: – Приятная вещичка. Умели раньше делать. Так и ласкает глаз.

– Прекрасная работа, – поддакнул Чжоу. – А вот и револьвер.

– Это Аллена, – пояснил Цин. – Он всегда носил его с собой. Чего ты ждешь, Быстрорукий? Пора узнать, что рассказал перед смертью американец.

– Не спеши, – улыбнулся Жао. – Эти парни теперь никуда от нас не денутся.

Бывший полицейский медленно прошелся по комнате, улыбаясь своим тайным мыслям и мурлыча старую мелодию. Иногда он останавливался за спиной Чжоу и разглядывал какую-нибудь вещь из сумки Фына, но больше ни к одной не притронулся. Наконец он спрятал портсигар в карман и сказал:

– Надо пообедать.

– Я распоряжусь? – обернулся Чжоу.

– Обед должен состоять из нескольких блюд, – усевшись рядом с Цином, объяснил Жао. – Есть будем не спеша, обсудим достоинства пищи, похвалим великое искусство повара. А пленного посадим у двери: пусть смотрит и ждет, пока мы насытимся. Голод и ожидание наказания помогают созреть для полной откровенности.

Ай Цин угодливо хихикнул и принялся льстиво превозносить изобретательный ум родственника, но его прервал более практичный Чжоу:

– Кого привести? Белого?

– Нет, – хитро усмехнувшись, покачал головой Жао. – Белые – грубые люди, им не оценить подобных тонкостей: воображения не хватит...

Когда Фына ввели в комнату, за столом уже устроилась компания из трех человек, среди которых бандит сразу узнал того, кто прошлой ночью вырубил его старым испытанным приемом. Знал бы этот, в темной куртке, что его спасли буквально какие-нибудь доли секунды. Если бы тогда не заржала лошадь, лежать бы ему с ножом в груди. Но теперь Фын вынужден подчиниться обстоятельствам. Ничего, судьба капризна, воля небес скрыта от смертных, и никто не ведает, как и когда наступит отмщение.

Фына усадили у двери, на запястье левой руки защелкнули браслет наручников, а второй закрепили на вбитой в стену железной скобе. Бандит не на шутку встревожился: обычно в подобных случаях обходятся сыромятными ремнями или веревками. На худой конец заковывают пленных в тяжелые деревянные колодки, стискивающие шею или ноги. А тут вдруг изобретение проклятых белых – стальные браслеты... Что происходит? Кто эти люди? Зачем его притащили сюда? Чтобы он смотрел, как они пьют вино из чайников и жрут ароматное мясо,

слушая их плоские шутки, глотая тягучую голодную слюну и мечтая о щепотке риса? Видимо, решили подвергнуть его пытке голодом. Но почему? Чего они хотят? Чего добиваются?

Фын присел на корточки, привалился спиной к стене. Браслет больно сдавил запястье вытянутой вверх левой руки, но стоять было еще хуже. Когда станет совсем не в состоянии, он чуть-чуть подвинется. Хорошо еще, рядом не поставили охранника, который не давал бы ему шелохнуться, чтобы пленник мучился в самой неудобной, причиняющей страдания позе.

Время тянулось медленно, сидевшие за столом пили, ели, смеялись, не обращая на Фына внимания. Он успел хорошенько разглядеть каждого, определив, что широкоплечий явно начальник, а двое других – его подручные или телохранители. Пожалуй, на роль телохранителя больше подходит тот, в темной куртке, а второй, в синем халате, жидковат. Но, быть может, этот хлипкий на вид малый превосходный стрелок, не знающий себе равных в поражении целей на слух, в темноте или в стрельбе по быстро движущейся мишени?.. Но что им все-таки нужно от несчастного Фына? И куда они дели русского? Скорее всего, бок-гуи сидит в яме во дворе. Его ни в коем случае нельзя упустить, без него до золота не доберется.

Потом мысли Фына перескочили на другое: может быть, он поторопился, решив сразу вырвать у русского тайну? Порой надо действовать не силой, а хитростью. Пообещал бы он этому парню честно разделить клад, и все было бы в порядке. А потом – пуля в голову, нож в спину или удар ребром ладони по горлу... Да, он поторопился и теперь расплачивается. Впрочем, что толку казнить себя? Это сделают другие, а ты сиди почетным гостем на празднике собственной глупости.

Закатное солнце бросило в окно красный луч, пронизавший пласты висевшего в комнате табачного дыма. Неслышно ступая в туфлях на войлочной подошве, вошел слуга и начал убирать со стола грязную посуду.

Сейчас начнется, понял Фын и внутренне сжался от страха. Долго же кушали эти господа, готовясь к допросу.

– Как тебя зовут? – ковыряя в зубах, небрежно спросил широколицый.

– Фу, – не моргнув глазом солгал Фын.

Сидевшие у стола загоготали: «Фу» – значит «богач», а вид прикованного к стене человека очень уж не вязался с названным именем.

– Чем же ты богат? – поинтересовался тощий в синем халате, заговорщически подмигнув широколицему. – Вшами?

Фын молчал, выгадывая время. Никого из этих людей он раньше не встречал, это точно. Следовательно, и они его знать не могут, поэтому сойдет любая ложь. Проверить ее невозможно. Но лгать нужно умело, достаточно правдоподобно, не то начнут бить палкой по пяткам.

– Что ты делал в ущелье ночью? – оборвав смех, широколицый впился пристальным взглядом в лицо Фына.

– Устроил привал, лошади притомились. Костер разжег, ну а потом вам все известно и без меня.

– Почему ты собирался пытать белого?

– Мы с ним серьезно повздорили днем, и я хотел отомстить, – опустил голову, ответил Фын.

– А почему ты бросил пленных и взял с собой только европейца? – подозрительно поглядел на него Чжоу. – Наши люди были на месте гибели каравана. Лучше рассказывай все как было, не то придется отведать вот этого!

Он вытащил из-за спины тонкую бамбуковую палку и взмахнул ею, со свистом разрезая воздух. Бандит боязливо поежился: в руках такого громилы бамбук расщепит тело до костей.

– Я же говорю истинную правду, – зачастил Фын, шаря глазами по лицам допрашивающих. – Да, я обокрал разбитый караван, но все так делают. Война! И для чего мне таскать за собой пленных, если есть дорогой товар?

– Почему ты убил солдата?

– Солдата?.. Какого солдата?.. – предательски дрогнувшим голосом переспросил бандит. Великое небо, не чернокнижники же эти люди, чтобы знать скрытое от их глаз временем и расстоянием!

– Ты лжешь! – Длинный палец Цина погрозил Фыну и исчез в широком рукаве синего халата. – Ладно, как тебя зовут, нам наплевать, хотя, я уверен, ты и здесь солгал. Расскажи, что случилось около повозки, в которой лежал умирающий.

Убежать бы, удрать от этих страшных людей! Фын инстинктивно дернулся, но стальной браслет, охватывающий запястье, рванул его назад, заставив застонать от боли и отчаяния. И это, конечно, не ускользнуло от внимания Жао.

– Не валяй дурака, парень. Ты ведь понимаешь, что с тобой сделают, если не скажешь правды? – вкрадчиво заговорил он. – Белый может упрямится – он не знаком с нашими пытками. Ну, так что ты хотел узнать у бок-гуя и что знаешь сам?

– Ничего не знаю, – обливаясь холодным потом, пробормотал Фын. – Клянусь вам, ничего! Не видел я никаких умирающих! Я только товары украл!

– Не только, – усмехнулся Цин. – Ты украл принадлежащую нам тайну.

– Какую тайну? – Бандит выпучил глаза. – Не знаю никаких тайн.

– Опять лжешь? – сокрушенно покачал головой Цин. – В повозке лежал раненый американец, а я стоял рядом. Ты же стрелял в меня. Неужели забыл?

Фын похолодел от ужаса: этого он никак не ожидал. Неужели им тоже известно о золотых долларах? Как теперь вывернуться? Валить все на русского? Тогда они прикажут привести его сюда и начнут выколачивать признание, а завладев тайной, убьют их обоих. Что же делать?

О, как хорошо тем, кто владеет искусством древней магии и умеет читать чужие мысли! Кабы знать, что им известно, сразу стало бы легче отбрехиваться и водить их за нос. Нет, они не проговорятся, не дураки ведь? Эти люди охотники, а он – дичь. Спешить им некуда, и его будут гнать хоть всю ночь напролет, гнать и гнать, пока он не попадет в западню, откуда не выбраться.

Жао встал, зажег керосиновую лампу, прошелся по комнате и остановился против бандита. Фын сжался, втянул голову в плечи, ожидая, что его начнут бить ногами. Но Жао сунул руку в карман и медленно вынул портсигар из черепахового панциря. Словно любясь, повертел его в пальцах, а потом резким движением сунул под нос пленнику.

– Знаешь чей?

– Мэю, нет, – ответил Фын.

– Знаешь, – усмехнулся Жао. – Знаешь, у кого ты его взял. Давай поговорим по-хорошему, а?..

– Я... Я согласен, – проглотив застрявший с горле ком, кивнул Фын.

– Молодец, – ласково улыбаясь, Жао открыл портсигар и протянул его бандиту. – Угощайся! Покурим и поговорим как добрые друзья. Ну, бери, не стесняйся.

Другой рукой он достал зажигалку. Поколебавшись, Фын потянулся за сигаретой, в любую секунду ожидая удара, но широколицый не ударил.

Как только пальцы бандита оказались между окантованными металлом створками, Жао резко захлопнул их и сильно сдавил. Фын побледнел от страшной боли и прикусил губу, чтобы не закричать.

– Говори, что ты узнал от Аллена? – прошипел он, откинув крышку зажигалки и чиркнув колесиком по кремню. Выскочила искра, на фитиле заплясал синеватый язычок пламени.

– Говори! – сильнее сдавливая створки портсигара и поднося зажигалку к лицу Фына, повторил Жао. – Или я сломаю тебе пальцы и выжгу глаза. И это будет только началом!

– Ничего не знаю! – прохрипел бандит. – Клянусь, ничего!

Боль в пальцах стала невыносимой. Перед глазами мелькнул огонек зажигалки и скользнул под потный подбородок. Зрачки Жао сузились, он чаще задышал и придавил сапогом грудь пленника, чтобы тот не мог отвернуться.

– Говори! – Медленно вода горячей зажигалкой, бывший полицейский все ближе подносил огонь к мокрой от пота коже Фына и вдруг резко прижег ее.

Фын дернулся, стукнулся затылком о стену, но спрятаться от пламени было некуда.

– А-о-у!.. – во весь голос дико завыл бандит...

Лобанов рывком вытянул Руднева из колодца, бросил рядом с собой на землю и крепко прижал к ней – замри, не дыши и не шевелись!

После кромешной тьмы ямы ночь показалась Саше удивительно светлой. Вдалеке, над входной дверью, покачивался фонарь, желто светились окна. Из дома доносился душераздирающий вой, словно с кого-то живьем сдирали кожу. От лежавшего рядом Юрия Петровича воняло потом и давно сопревшим бельем. В подземной духоте этот запах как-то растворялся и не ударял в ноздри, но тут, на свежем воздухе, казался нестерпимым. Руднев вдруг испугался, что стража учует специфический «аромат» забывшего про баню узника. Тогда прощай, свобода!

Осторожно приподняв голову, Саша огляделся. В дальнем углу двора, около составленных в круг повозок, устроились на ворохе соломы несколько солдат. Светляком вспыхивал огонек сигареты, тускло светился огарок свечи, прикрытый от ветра колпачком из промасленной бумаги, по всей вероятности, там продолжалась азартная карточная игра. Никто из солдат не обращал внимания на крики в доме. Привыкли?.. Или знают, что там происходит?..

Часовой у крыльца тоже не проявлял признаков беспокойства: небрежно зажав карабин под мышкой, он мерно прохаживался туда-сюда. Ворота были полуоткрыты. По небу бежали низкие лохматые тучи, скрывавшие луну.

Внезапно вой в доме оборвался, и наступила тишина. Почувствовав легкий толчок в бок, Руднев повернул голову и услышал шепот Лобанова:

– Сзади стена. Надо через нее. Другого пути нет.

Юрий Петрович бесшумно пополз к ограде. Саша последовал за ним, боясь услышать окрик и лязг передернутого затвора. Воистину Лобанов родился в рубашке – как ему только удалось снять с ямы решетку, не насторожив охрану? Впрочем, лучше об этом не думать, чтобы не сглазить удачу.

У стены капитан дождался, пока подползет Руднев, и, притянув его к себе, зашептал в самое ухо:

– Через забор сигаем махом, задерживаться наверху нельзя – заметят. Сможешь или подсадить?

Саша легонько похлопал его по руке, давая понять: с препятствием он справится. Знать бы, что ждет их на той стороне? Но выбирать не приходится. Секундная задержка может иметь роковые последствия. Если их вновь бросят в яму – это далеко не самое худшее.

– С Богом! – Лобанов отодвинулся.

Руднев вскочил и, подпрыгнув, уцепился за гребень стены. Срывая ногти, подтянулся, лег на нее животом, перевернулся и спрыгнул. Мелькнула мысль: если внизу битое стекло или какие-нибудь железки, то с израненными босыми ногами далеко не уйдешь. Однако обошлось.

Через секунду рядом по-кошачьи мягко приземлился капитан и, схватив Сашу за руку, потянул его в темноту длинной, безлюдной в этот поздний час улицы. Из-за туч выглянул краешек луны, посеребрив пыль на мостовой. Где-то истошным лаем зашлась собака, ей ответила другая, и Юрий Петрович чертыхнулся:

– Проклятые шавки! Всех поднимут на ноги!

Стараясь держаться в тени домов, прячась за выступами стен, беглецы добрались до перекрестка, слабо освещенного тусклым фонарем. Устав брехать, собаки утомонились. Стало

слышно, как нестройно поют пьяные в расположенной поблизости харчевне и поскрипывает неплотно прикрытая калитка в ограде одного из домов. Вблизи раздался женский смех, и русские поспешно спрятались за кучей мусора, наваленного у обочины. Мимо прошли двое молодых китайцев, держа под руки нетрезвую девицу в длинном платье.

– Опасное место, – дождавшись, пока стихнет звук их шагов, сказал Лобанов и тыльной стороной ладони отер выступившую на лбу испарину. – Нам туда.

Он указал на противоположную сторону, где находилась харчевня. Ночной ветер раскачивал полотнище вывески, на дороге лежали красноватые пятна света, падавшего из окон.

– Вы уверены? – с сомнением спросил Саша.

– Я прекрасно запомнил, как меня везли, – настороженно вглядываясь единственным глазом в сумрак, откликнулся капитан. – Пошли, пока нас не хватились.

Они перебежали через улицу, стремясь поскорее раствориться в спасительной темноте. Но как назло, громко хлопнула дверь кабака, и появился высокий мужчина в темном халате. За плечом у него висела винтовка, на боку болталась сумка. Лобанов моментально метнулся к стене и замер. Рядом застыл Руднев.

Мужчина спустился с крыльца и вытащил из кармана трубку. На пьяного он похож не был: движения уверенные, не шатается. Почувствовав, что поблизости кто-то есть, китаец остановился. Подслеповато щуря узкие глаза, огляделся и наконец различил две тени около стены дома.

– Эй, нет ли у вас огонька?

– Мэю, нет, – привычно ответил Саша.

– Чего вы там стоите? Ну-ка, идите сюда! – Мужчина сунул трубку в рот и скинул с плеча винтовку.

Неожиданно капитан рванулся вперед, одним гигантским прыжком преодолев расстояние, отделявшее его от китайца. Тот хотел ударить нападавшего прикладом, но Лобанов ловко увернулся и сбил противника с ног. Подобрал оружие, он легко вскинул бесчувственное тело на плечо и быстро побежал прочь от харчевни. Руднев бросился за ним.

– Сопляк, – скинув свою ношу в темном переулке, презрительно сплюнул Юрий Петрович. – Куда им против нашей рукопашной!

Сорвав с китайца сумку, он отдал ее Саше и начал стаскивать халат и брюки, вертя бесчувственное тело как куклу. Потом снял тапочки, почти новые, на кожаной подошве.

– Может, тебе подойдут? Мне малы.

Китаец слабо застонал, но, получив от Лобанова кулаком по голове, снова потерял сознание.

– Бежим! – Подхватив винтовку, Юрий Петрович сунул Саше ворох одежды. – Потом разберемся.

Спихнув китайца в канаву, капитан рванул вперед. Руднев старался не отставать.

– Теперь просто так не дадимся, – повернув к нему разгоряченное лицо, засмеялся Лобанов, подбрасывая винтовку. – Давай живее!

Они неслись, не чувствуя под собой ног, только босые пятки выбивали глухую дробь по пыльной дороге. Перелезли через какую-то изгородь, потоптали огородные грядки, скользя на влажной, заботливо политой хозяином земле, выскочили в темный проулок и вдруг поняли, что городишко кончился, улицы остались позади, а впереди раскинулось поле и над ним – высокий купол черного неба с редкими точками ярких звезд.

– Слава тебе, Господи! – истово перекрестился капитан. – Теперь им искать нас как ветра в поле...

Саша примерил трофейные тапочки. Почти в пору, только немного широковаты. Надел халат. В плечах хорошо, но рукава пришлось подвернуть. Лобанов скинул сопревшие грязные кальсоны и натянул шаровары китайца. Они с трудом сошлись у него на талии, а внизу не

доставали до щиколоток, туго обтягивая могучие икры. Присев, он проверил, не лопнут ли швы, и довольно рассмеялся.

– Нормально! Еще бы рубаху, но, как говорится, за неимением гербовой пишут на простой. Пошли!

Не успели они сделать несколько шагов, как позади, в городке, треснул винтовочный выстрел, приглушенный расстоянием. Потом второй...

– По наши души? – встревоженно спросил Руднев.

– Возможно, – буркнул капитан. – Кто знает? До железной дороги еще верст двадцать, не меньше, добежать не успеем. Надо искать, где укрыться.

– Почему вы думаете, что нас начнут искать именно здесь?

– А тут бежать больше некуда. – торопясь убраться подальше от города, ответил Лобанов. – Жао тоже не дурак, понимает, куда мы направимся.

Вскоре им попала неглубокая лощинка, и беглецы спустились в нее. Внезапно Юрий Петрович остановился и прислушался:

– Похоже, скачут?

Цепляясь за жесткие пучки росшей по склону травы, они выбрались на край овражка и осторожно выглянули. По дороге неслись несколько всадников, освещая путь факелами. Проскакав с полверсты, верховые приостановились и начали кружить, вглядываясь в дорожную пыль. Потом снова хлестнули лошадей.

– Заберем правее, – предложил Лобанов, – там кукурузное поле.

– А если подпалят? – возразил Саша.

– Хотите ждать, пока они вернуться? – Лобанов решительно вылез из овражка и побежал по стерне.

«Пропадем, как пить дать пропадем, – пытаюсь угнаться за ним, подумал Руднев. – Поджарят нас на этом проклятом поле, как куропаток».

С шумом врезавшись в заросли кукурузы, капитан начал продираться сквозь них. Сво- рачивал то в одну сторону, то в другую, чтобы не оставлять явного следа. Саше казалось, что треск ломающихся стеблей разносится далеко окрест и неминуемо привлечет погоню, но он не решался сказать об этом Лобанову, боясь потерять время на споры и пререкания: не расставаться же им сейчас, самостоятельно выбирая дорогу к спасению? Поодиночке скорее пропадешь и станешь добычей бандитов. Уж коли связала их судьба одной веревочкой, то сама и развяжет.

Наконец кукуруза кончилась. Юрий Петрович остановился и, тяжело переводя дыхание, попросил:

– Саша, послушайте землю.

Руднев послушно лег, прижавшись ухом к еще хранившей тепло угасшего дня пыльной земле.

– Тихо.

– Бог даст, утечем, – улыбнулся капитан. – Запутаем ходей. Не вешайте носа, прапорщик! Вперед!

Они снова побежали, все чаще спотыкаясь и переходя на шаг. Ноги налились свинцовой усталостью. Сердце билось в груди тревожно, мучила жажда, хотелось рухнуть на землю и полежать хоть чуть-чуть, дав отдых измученному телу. Достигнув небольшой рощицы, Лобанов первым сел и положил на колени винтовку.

– Привал! Можем себе позволить, как думаете?

– В яме было спокойнее, – устраиваясь рядом, мрачно пошутил Саша.

– Смотрите! – Схватив его за руку, Юрий Петрович показал назад.

Над кукурузным полем плясали языки пламени и клубами валил розоватый дым. Поднимаясь, он темнел, сливался с ночным небом и исчезал. Запахло гарью.

– Опоздали, голубчики, – усмехнулся капитан. – Сейчас они потеряют время, окружая поле, а мы двинем дальше.

– Так и будем скакать, как зайцы? – массируя ноги, спросил Руднев. – Загонят!

– Азарт пропадет. – Опершись на винтовку, Лобанов встал. – Поверьте, я в этом деле толк знаю, не впервой. Как только найдем подходящее местечко, сразу заляжем и до рассвета – ни гу-гу. Порыскают и бросят. Пошли.

Натыкаясь в темноте на стволы деревьев, беглецы пробрались сквозь рощу и вновь вышли в поле, полого поднимавшееся в гору. Вскоре они наткнулись на аккуратно сложенную из камней пирамиду, потом на вторую, третью: крестьяне собирали попадавшие во вспаханной земле мелкие валуны.

– Отлично, – повеселел капитан. – Впереди скалы.

Саша поправил висевшую на плече сумку и прибавил шагу. Похоже, Лобанов не зря хватался, что знает толк в погонях и способах спрятаться от них. Если им удастся скрыться в скалах раньше, чем появится разъезд бандитов, они спасены. Камни не подожжешь, а искать беглецов среди нагромождения горных пород хунхузы вряд ли станут. Горы и днем место небезопасное, а уж ночью и подавно. Зря рисковать бандиты не любят – им больше по душе легкая добыча, которую можно взять голыми руками. Однако не останутся ли преследователи до утра? Как быть тогда?..

Ударившись босой ногой о камень, Лобанов выругался и, прихрамывая, поплелся по узкой тропинке, уходившей в расщелину между скалами. Постанывая, он упрямо карабкался, пока не нашел закрытую со всех сторон нишу.

– Сил больше нет, ослаб в яме, – привалившись спиной к камню, нехотя признался Юрий Петрович. – Пожалуй, останемся здесь.

Улегшись спиной к спине, беглецы прижались друг к другу и задремали, вздрагивая от каждого шороха и с тревогой ожидая рассвета.

Фын орал так, что у Жао заложило уши. Ударом ноги в живот он оборвал его крик и убрал зажигалку. Разомкнув створки портсигара, отбросил посиневшую руку своей жертвы и сделал знак Чжоу. Тот плеснул водой в лицо потерявшего сознание пленника. Фын застонал и открыл помутневшие глаза.

– Вспомнил? – наклонившись к нему, вкрадчиво спросил Быстрорукий. – Или желаешь еще освежить память? Неужели она так слаба, что не держит даже вчерашний день?

Фын замотал головой. Казалось, боль пронизывает его всего, от кончиков искалеченных пальцев до обожженного подбородка. Какой же он глупец: ввязался в дело, которое пахнет большой кровью! Но золото... Неужели упустить такое огромное богатство?! Упустить и прозябать всю жизнь в нищете, а в старости сдохнуть под забором, как собака? Нищета еще никому не прибавила здоровья... Но сейчас-то что делать? Как выкрутиться?

– Ждешь продолжения? – зло усмехнулся Жао.

Телохранитель снял стекло с керосиновой лампы и подал ее широколицему. Фын похолодел: хватит ли сил терпеть, не выдав тайны? О том, как он сам собирался пытать русского, бандит не вспоминал. Сейчас его занимала собственная участь.

– Высуши ему глаза, – захихикал насосавшийся вина Цин. – Видишь, бедняжка плачет.

Жао вывернул фитиль и показал Фыну длинный чадающий язык пламени.

– Слепым больше подают, верно? Что? Страшно? Не бойся, я не стану выжигать тебе глаза. Они должны видеть, во что превращается твое тело из-за глупой головы.

– Я вспомнил, – не в силах отвести взгляда от лампы, вдруг сказал Фын и сам удивился, как легко слетели с его губ слова признания.

– Рассказывай, – бросил Чжоу, поигрывая бамбуковой тростью.

– Да, мы внимательно слушаем, – наклонил голову Жао. – Только не вздумай плести небылицы.

– В одной повозке лежал раненый чужестранец, – зачастил Фын. – Он умирал и хотел, чтобы его похоронили по обряду белых. Я плохо понимаю английский, поэтому с ним говорил русский, которого вы взяли вместе со мной в ущелье...

– Так, и что же сказал вам умирающий? – перебил его Жао.

– Он признался, что ограбил банк, а золото спрятал.

– Где? – Не выдержав, Цин вскочил и подбежал к пленному. – Где спрятано золото? Аллен намеревался его взять, да?

– Не знаю, – сжался Фын и, боясь, что сейчас снова начнут пытаться, быстро добавил: – Я не знаю, ехал ли он за золотом. Он говорил о долларах, обещал оставить их в наследство тому, кто его похоронит!

Жао удовлетворенно улыбнулся и надел на лампу стекло. Взяв из портсигара покойного американца сигарету, он прикурил ее и сунул в рот узнику.

– На, затянись. Говори дальше!

– Умирающий назвал горы Белые Облака. Там спрятано золото.

Старавшиеся не пропустить ни слова Жао, Цин и Чжоу переглянулись. Вот оно! Неужели кончается многолетняя гонка за сокровищами и скоро они будут пересчитывать монеты, радуясь небывалой удаче?

– А не врешь? – недоверчиво прищурился Чжоу.

– Зачем мне лгать? – опустил глаза Фын.

– Погодите, – поднял руку Жао. – Горы очень большие, там множество пещер, долин и ущелий, которые не обшарить и за тысячу человеческих жизней. Где именно спрятано золото? Как добраться до тайника?

– Об этом знает старый Вок из Шанхая, – страдая от собственной беспомощности, проворчал Фын. Но, как ни странно, на душе вдруг стало легче, словно с нее упал непомерный груз. Неужели тайна столь тяжела? Или страх пыток еще тяжелее?..

– Понятно, – протянул Жао. – Остается узнать, как отыскать Вока и что сказать ему, чтобы он отвел к тайнику. Ну?

– Этого я не знаю, – обреченно выдохнул Фын.

– Лжешь! – заорал Чжоу. – Не верьте ему! Я вырву лживый язык у ехидны! Разрежу на куски, но он скажет!

– Не знаю я, не знаю! – завопил бандит. – Не знаю! Он говорил об этом без меня!

Быстроукий отпихнул разъяренного телохранителя, приказав ему не подходить к пленному, пока не позовут. Костолом только испортит дело. Узник заговорил, и лишняя боль сейчас ни к чему, она не прибавит правдивости, зато может замкнуть открывшийся рот.

– Где же ты был? – Жао дал глотнуть Фыну вина из чайника.

– Побежал за водой, – объяснил пленный. – Умирающий попросил пить. С ним остался русский.

– Ну наконец-то, – хлопнул в ладоши Цин. – Теперь понятно, почему ты хотел выпотрошить его в ущелье.

– Чжоу, притащи русского сюда, – не оборачиваясь, велел Быстроукий.

Похоже, игра приближается к концу. Остается развязать язык второму пленнику, и тайна украденного в банке золота будет полностью принадлежать тем, кто охотился за ней долгие годы. Эти двое, случайно прикоснувшиеся к ней, не в счет: им осталось жить не дольше, чем продлится допрос русского.

Подойдя к столу, Жао жадно выпил вина – в горле пересохло от напряжения. Чего там возится телохранитель? Неужели не понимает, что хозяин не может ждать?

Обернувшись на звук открывшейся двери, Жао с удивлением увидел, что Чжоу один.

– В чем дело?

– Они бежали.

Страшные в своей простоте слова раскатились, как камешки по жести, – по крайней мере так почудилось Быстрорукому, не сумевшему осознать смысл сказанного. И вдруг наступила тишина.

Предводитель отряда замотал головой, словно пытаясь вытрясти из ушей пробки, мешающие слышать Чжоу. Он смотрел на него, видел, как шевелятся его губы, но... где же звуки?

– Что ты сказал? – не узнавая собственного голоса, переспросил Жао.

– Они бежали, – прислонившись плечом к косяку, повторил телохранитель. Неужели хозяин не расслышал?

– Как?!

– Большой бок-гуй, сидевший в одной яме с русским, сумел сдвинуть решетку. Наверное, один встал на плечи другому... Ну а потом они выбрались наружу, перелезли через стену и удрали.

Странный звук, похожий на всхлипывания, вернул обалдевшего Жао к действительности. Он резко обернулся. Прикованный к стене пленный корчился, заходясь в истерическом смехе. По его изуродованному ожогом лицу градом катились слезы, а рот искривился в гримасе, как у древней ритуальной маски.

– Ха-а-а, ха-ха! – конвульсивно дергался Фын, не в силах остановиться.

Метнувшись к топчану, Жао схватил лежавший там карабин и, подскочив к бандиту, резко двинул его прикладом в живот. Фын утробно икнул и обмяк, потеряв сознание.

– Скорее! – отпихнув стоявшего на дороге Чжоу, Жао выскочил во двор.

Вскинув карабин, он выстрелил в воздух. Рванул рукоятку затвора, выбросил теплую, пахнущую пороховым дымком гильзу и выстрелил еще раз.

– Тревога! Обыскать весь город! Конных на дорогу! Найти! Брать только живыми! Живыми!

Все пришло в движение. Ржали кони, суетились люди с фонарями и факелами, скрипели открываемые ворота. Быстрорукий тоже хотел вскочить в седло, мчаться в ночь, искать, ловить, и Чжоу стоило огромного труда оторвать от уздечки руки обезумевшего от ярости хозяина и втащить его обратно в дом, увещевая, как ребенка, не броситься очертя голову в погоню.

Внезапная вспышка сумасшедшей ярости прошла, и Жао покорно дал увести себя. Вернувшись в комнату, он наткнулся на бледного Цина, смотревшего на него с немой надеждой.

– Их поймают, – убеждая и его и себя, сказал Жао, – они не могли далеко уйти.

Сев к столу, он дрожащими руками вынул из портсигара сигарету и закурил.

– Сторожей, упустивших пленных, посадить в яму. Завтра ими займемся. Когда привезут русских, набить им колодки на шею и сразу ко мне!

Страхнув пепел с кончика сигареты, Жао поглядел на прикованного к стене пленника. Фын уже пришел в себя, его глаза горели злобой, но под тяжелым взглядом Быстрорукого он съежился и опустил голову. С каким удовольствием Жао прибил бы его, но ничтожная жизнь этого проходимца после побега русских вдруг приобрела огромную ценность: сейчас пленник остался единственной ниточкой, держась за которую можно добраться до старого Вока из Шанхая, знающего дорогу к тайнику в горах, где спрятано золото.

– Ночь темна, – тихим голосом, осторожно подбирая слова, чтобы не вызвать новой вспышки ярости у Быстрорукого, напомнил о себе Цин. – У беглецов одна дорога, а у погони – тысяча. Легко прятаться, когда в небе нет солнца. Что будем делать, если их не найдут?

Жао бросил окурочек в пепельницу из морской раковины и допил оставшееся в чайнике вино. Конечно, Цин прав: беглецов могут не поймать.

– Если погоня вернется ни с чем, на рассвете пойдем к железной дороге. – Жао энергично растер ладонями лицо. – Устроим засаду и начнем останавливать все поезда, идущие на восток и запад. Солдатам достанется добыча – это их воодушевит. А наша добыча – беглецы. Чжоу поднимет отряд на заре.

– Поздно, – возразил телохранитель. – К рассвету надо быть уже на месте, иначе рискуем опоздать.

– Хорошо, – согласился Быстрорукий. – Разделимся. Ты поведешь своих людей к мосту, а я перекрою путь на запад. Цин останется здесь караулить этого.

Он показал на Фына, настороженно прислушивавшегося к разговору. Похоже, смерть ему пока не грозит? И то благо. Если ты жив и еще сохраняешь способность двигаться, всегда найдется какой-нибудь выход. Не может же судьба издеваться над ним до бесконечности, то маня тайной двухсот тысяч золотых долларов, то отнимая последнюю надежду! Или высшая мудрость небес как раз в том и заключается, что человека швыряет как букашку, уцепившуюся лапками в бешено раскачивающийся маятник: кажется, потерял все, а тебя уже несет в другую сторону, и дух захватывает от головокружительной высоты...

– Бросить его в яму? – зевнул Чжоу.

– Пусть остается в доме, – быстро решил Жао. – Мы прикуем его к Цину. Так надежнее.

– Зачем? – запротестовал тот. – Пусть сидит у стены.

– Куда вы вдвоем денетесь? – засмеялся Быстрорукий. – Ключ от наручников я возьму с собой, а дверь запру. У дома выставлю охрану. Сидите и ждите, пока притащим его дружка. По крайней мере я буду уверен, что ты не спустишь глаз с пленника.

Он похлопал Цина по плечу, и тот нехотя смирился, понимая: спорить бесполезно. Жао решил подстраховаться, и теперь никто и ничто его не переубедит.

Услышав на дворе топот копыт и возбужденные голоса, Быстрорукий выскочил из комнаты. Чжоу поспешил следом, сделав Цину знак остаться.

Вернулись они быстро. Увидев их мрачные, хмурые лица, Цин понял: русских не поймали.

– Как сквозь землю провалились, – проверяя маузер, сердито объяснил бывший полицейский. – Обыскали все дороги, сожгли заросли кукурузы, но их нигде нет.

– Ты хочешь отправиться к железной дороге прямо сейчас?

– Да. Зачем терять время? Два десятка ли⁴ – расстояние немалое, а лошадей у нас на всех не хватит. Многим придется идти пешком. Да еще надо найти подходящее место для засады. До рассвета едва управимся.

– Посади на каждую лошадь по два человека, – посоветовал Цин.

– Это ничего не даст, – отмахнулся Жао. – Кроме того, я хочу, чтобы кони были свежими на непредвиденный случай.

«Если они у железной дороги наткнутся на контрзасаду и дело обернется худо, он просто бросит отряд, – понял Цин, – но обязательно вернется сюда за пленным. Что ж, по крайней мере мне не придется сидеть здесь до бесконечности и томиться неизвестностью...»

Бывший полицейский достал ключ и разомкнул кольцо стального браслета, прикрепленного к вбитой в стену скобе.

– Иди сюда, – позвал он Цина и, когда тот подошел, защелкнул браслет на его запястье. – Вот так! Правая клешня у нашего друга немного помята, поэтому можешь ничего не опасаться. Жди нас.

Вошел Чжоу, собрал оставшееся в комнате оружие и вытащил из-за пояса Цина револьвер.

– Он тебе не понадобится.

Хлопнула дверь, щелкнул закрывшийся замок. А Цин обреченно вздохнул и потянул за собой Фына к топчану: не торчать же у порога? Ночь такая долгая, не мешает вздремнуть. Но... Как улечься спать, если к нему прикован узник? Проклятый Жао, только в его мозгу могла родиться такая коварная идея – не дать караульному ни минуты покоя до своего возвращения.

⁴ Ли – китайская мера пути.

Вот почему он сковал их одной цепью! Опасаясь бандита, Цин ни на миг не сомкнет глаз и волей-неволей превратится в недремлющего стража!

Фын вздохнул покорно и уселся рядом со своим охранником, радуясь передышке. Вскоре он уронил голову на грудь и задремал, посапывая и нервно вздрагивая во сне. Измученный Цин уставился невидящим взглядом на огонек керосиновой лампы. Казалось, стальной браслет с каждой минутой все сильнее и сильнее давил на запястье. Впереди долгие часы до рассвета и мучительное, выматывающее душу ожидание возвращения Жао.

Хорошо, если удастся поймать беглецов, а если нет? Что делать тогда? Ехать в Шанхай искать старого Вока? Но как искать? Не станешь же бегать по огромному городу и спрашивать у каждого встречного... Впрочем, об этом пусть болит голова у Быстрорукого.

Усталость и выпитое вино незаметно взяли свое: Цин тоже заснул. Ему показалось, что он закрыл глаза всего на несколько секунд, но, когда открыл их, за окном уже разлился серый рассветный сумрак, а керосиновая лампа чадила и мигала, готовая вот-вот потухнуть. Испуганно обернувшись к пленнику, он с облегчением удостоверился, что тот все еще спит, приоткрыв спекшиеся губы и привалившись спиной к стене. Забыв про сковывавшую их цепь, Цин потянулся за сигаретами и спичками. Разбуженный резкой болью в запястье, Фын проснулся, зашелся натужным кашлем, а потом робко попросил:

– Дай закурить.

Ай Цин дал ему сигарету и поднес зажженную спичку. Морщась и кривя рот, бандит прикурил, затянулся. К потолку поплыла сизая струйка дыма.

– Уже утро, – пробормотал он, поглядев на посветлевшее окно.

Ай Цин не ответил. Зачем вступать в разговоры с пленником? Но тут ему в голову пришла мысль: а если его подопечный попросится по нужде? Или сам захочешь? Что же тогда – загадить комнату или найти пустую посудину?.. Выйти нельзя – они заперты снаружи, и даже часовый, которого Жао поставил около дома, не откроет двери, поскольку у него нет ключа.

– Дай воды! – немного осмелев, неожиданно потребовал Фын. – В глотке пересохло. И поесть бы чего-нибудь, не то помру с голода.

Немного поколебавшись, Цин решил: пожалуй, можно и перекусить. Кто знает, когда вернется Жао, а пустой желудок настоятельно требует пищи. К счастью, от вчерашнего ужина кое-что осталось. Погасив лампу, он дал Фыну глиняную миску с остатками риса, а себе взял тарелку с кусками остывшего жареного мяса. Кажется, в одном из чайников еще плещется вино? Отлично!

– А есть как? – свободной рукой неуклюже прижимая к груди миску, недовольно буркнул бандит. – Не могу же я как собака!

– На! – Цин сунул в миску деревянные палочки, не заметив, как жарко блеснули глаза пленника.

Поставив миску на колени, Фын начал медленно есть, искоса поглядывая на уплетавшего мясо сторожа и стараясь не мешать ему. Доев, он зажал палочки между указательным и большим пальцами таким образом, что их толстые концы упирались в ладонь. Когда Цин повернулся, чтобы забрать пустую посудину, Фын неожиданно рванулся вперед и с силой вонзил палочки в его глаза.

Тот даже не успел закричать от страшной боли – бандит навалился на него, все глубже проталкивая палочки. Он не обращал внимания на кровь, на судорожные конвульсии Цина, терявшего последние силы, и давил до тех пор, пока его жертва окончательно не затихла.

Скатившись с обмякшего тела, Фын несколько минут лежал, жадно хватая ртом воздух. Безумный порыв к свободе, толкнувший его на убийство, прошел, и теперь наступило отрезвление, подобное глухому похмелью.

Цин мертв. В любую секунду могут вернуться отправившиеся к железной дороге командир отряда и его телохранитель. Гадать о том, что они сделают, увидев убитого, не приходится.

Надо немедленно бежать отсюда. Но как, если прикован к мертвецу, а ключа от браслетов нет? Выходит, сам загнал себя из одной западни в другую, еще более страшную?

Бандит попробовал освободиться от наручников, однако сработанные на совесть стальные браслеты не желали поддаваться. Тогда он попытался стянуть стальное кольцо с запястья трупа, безжалостно выворачивая кисть уже начинавшего холодеть Цина: сейчас не до брезгливости, нужно спастись! Но ничего не вышло.

Затравленно оглянувшись, Фын схватил столовый нож и начал остервенело кромсать руку мертвого тюремщика. Если браслет нельзя снять, то надо отсечь мясо и кость, на которых он держится. Весь измазавшись в крови, вздрагивая от каждого звука, раздававшегося под окнами, он наконец отрубил кисть Цина. Свободен! Правда, не совсем, поскольку на его запястье все еще болтаются наручники, но это ерунда. Главное – можно двигаться.

Обшарив комнату в поисках оружия, Фын зло сплюнул: кроме столового ножа, ничего нет. Быстро допив оставшееся в чайнике вино, он метнулся к двери. Кажется, тихо. Как же отсюда выйти? Ломать замок нельзя – это лишний шум, в окно тоже не выскочишь: увидят – поймают и заставят пожалеть, что родился на свет. Какую же придумать хитрость?

Дверь была высокая, двустворчатая, украшенная рисунками и медными гвоздиками с фигурными головками. Наверное, раньше дом принадлежал богатому торговцу или помещику средней руки. Как слепой вода ладонями по филенкам, Фын готов был разрыдаться от отчаяния. Сейчас бы взять в руки топор или хотя бы лопату, и тогда разукрашенная дверь быстро поддалась бы, но у него есть только столовый нож, с закругленным на конце лезвием, не слишком острый, не способный заменить ни плотничьего инструмента, ни оружия. И все же Фын предпринял попытку отжать ригель замка. Одновременно он потихоньку тянул створки двери на себя, просовывая нож в образовавшуюся щель все глубже и глубже.

Только бы не вернулись уехавшие, только бы никто не подошел к дверям с той стороны, только бы...

Когда створки, чуть скрипнув, распахнулись, Фын сначала не поверил в удачу. Сжав рукоять ножа, он приоткрыл одну створку пошире и выглянул в смежную комнату, готовый немедленно вступить в схватку, с любым, кто попытается преградить дорогу. Но, на его счастье, комната была пуста. Никого.

Тихо ступая на цыпочках, бандит прокрался в коридор: надо поскорее добраться до окна, выходящего на противоположную сторону дома, а там посмотрим. Если бы особняк стоял фасадом на улицу, вообще не было бы проблем, но...

В коридоре Фын почувствовал сквозняк – тянуло свежим ветерком, особенно ощутимым после долгих часов, проведенных в душной, насквозь прокуренной комнате. Окно, открытое окно! Забыв об осторожности, он бросился к нему и, одним прыжком перемахнув через подоконник, выскочил на улицу.

Сегодня капризная фортуна явно сменила гнев на милость и повернулась к нему лицом, щедро одарив благосклонностью: он очутился на заднем дворе, среди хозяйственных построек. За углом мелькнула фигура солдата, но Фын проворно юркнул в щель между сараями. Вытирая спиной стену, бочком дошел до забора, огораживавшего усадьбу, перелез через него и спрыгнул в густые заросли бурьяна. Сунув за пазуху руку с браслетом наручников и спрятав в рукаве нож, он быстро пошел по переулку. Надо поскорее убраться подальше от страшного дома Жао...

Глава 4

Настало утро, серенькое, блеклое. В лощинах разлилось сырое молоко легкого тумана. По небу ползли низкие, лохматые тучи, грозя вымочить землю мелким морозящим нудным дождем. За ночь беглецы изрядно продрогли, словно камни потихоньку высосали из них животворное тепло, жадно забирая его впрок, до зимы.

Проснувшись, Саша увидел, что Юрий Петрович уже поднялся и делает гимнастику, пытаясь согреться. Энергично размахивая руками, он приседал и подпрыгивал, будто исполняя замысловатый танец. Приглядевшись, Руднев понял: Лобанов имитирует схватку с противником – какие там танцы, если капитан наносит удары ногами, кувыркается, бьет кулаками и головой, резко поворачиваясь в разные стороны.

Но что это за борьба? Не похоже ни на английский бокс, ни на восточные единоборства. Неужели Руднев видит разминку бойца легендарного «русского стиля», приемам которого обучали войсковых разведчиков и солдат ударных частей? На фронте не раз приходилось слышать о подвигах мастеров рукопашной – особенно славились казаки-пластуны, с детства владевшие боевым искусством.

В одиночку они вырезали в окопах целые взводы немцев и австрийцев и благополучно возвращались к своим.

– Поднимайтесь, – оглянувшись, весело предложил Юрий Петрович. – Желаете размяться? Я, признаться, засиделся в тесной яме, да еще ночь такая холодная. Защищайтесь!

Саша едва успел увернуться от прямого удара – спасибо тамилу, открывшему секреты древнего индийского искусства обороны и нападения. Если бы поединок был настоящим, лежать бы ему сейчас на земле с переломанными ребрами.

Казалось, капитан не знает усталости: ровно дыша и удивительно легко двигаясь, он буквально порхал вокруг Руднева, едва успевавшего блокировать удары.

– Молодцом, молодцом! Вы держитесь лучше, чем я думал. А вот этого вы не знаете!

Мгновение – и Саша грохнулся на землю. Откатившись в сторону, он моментально вскочил, но тут же снова упал, сбитый с ног.

– Этого вы тоже не знаете, – весело гоготал Лобанов. – А вот так?

Рудневу показалось, что у Юрия Петровича вдруг выросли еще две пары рук и ног – не успеешь отбить один удар, как пропускаешь два или три, а капитан оказывается то спереди, то сзади, то сбоку. И бьет, бьет, бьет – кулаком, пяткой, ребром ладони, локтями, коленями. В очередной раз бросив Сашу на землю, Лобанов победно поднял руки.

– Все, хватит!

– Лихо, – с восхищением признал Руднев. – Научите?

– Посмотрим, – усевшись на камень, капитан открыл трофейную сумку. – Если хотите научиться, придется изрядно попотеть. Наши славянские предки овладели приемами рукопашной в незапамятные времена и постоянно совершенствовались от войны к войне.

– Русский рукопашный бой?

– Да. Была «медвежья борьба», искусство биться на саблях, рубиться топорами, потом добавился штыковой бой, рукопашная с оружием и без него, защита от одного врага и от нескольких сразу, приемы против конных и пеших. На фронте очень помогало, да и после не раз пригодилось... Но вы тоже ничего, можете постоять за себя. Кстати, я проверил – вокруг ни единой живой души. Мы вчера заснули как сурки, а надо было караулить по очереди.

– Честно признаться, я забыл об этом. – Саша уселся рядом и заглянул в сумку, нет ли там чего съестного.

– На этот раз нам просто повезло, – усмехнулся Юрий Петрович, – но впредь побережемся. На войне как на войне. Так, чего тут?

В сумке нашлись винтовочные патроны россыпью, тридцать китайских долларов, аккуратно завязанных в тряпицу, достаточно большой лоскут пестрой ткани, жестянка с оружейным маслом, набор игральные кости, обшитая сукном армейская фляжка с ханшином – дешевой водкой из проса, костяной гребень, комок желтоватой соли в баночке с завинчивающейся крышкой, огниво и маленький полотняный мешочек с рисом.

– Не густо, – разочарованно хмыкнул Лобанов. – Жаль, пожевать нечего.

– Есть рис, – возразил Саша. – Его можно приготовить и без посуды – отыскать бы только воду. Намочим, положим на ткань и подержим над огнем.

– Отставить, – отрывая от лоскута длинную полосу, шутливо приказал капитан. – Огня нам разводить нельзя, да и терять время на поиски воды и дров не стоит. Надо быстрее двигаться к железной дороге.

Полосой ткани он прикрыл пустую глазницу и крепко затянул узел на затылке. Ну, прямо таки пират из старинного романа! Складывая трофейное имущество в сумку, Лобанов рассуждал:

– Нам еще верст десять идти, и не по торной дороге, а по тропочкам, не то обязательно влипнем по собственной глупости. И на станцию в таком виде не заявисься. Впрочем, вы еще сойдете за бродягу, а на меня точно обратят внимание. Придется купить одежонку и билеты. Вот и пригодятся доллары. Винтовку с собой не возьмешь, поэтому обменяем ее на еду или одежду. Поэтому не будем терять зря драгоценного времени. А солнышко между тем поднимается все выше. Кстати, Александр Иванович, ежели нам удастся дойти до железной дороги, куда вы собираетесь ехать?

– А вы? – Для себя Руднев уже решил, что поедет в Шанхай, а вот куда отправится капитан?

– В Шанхай. – Лобанов поднялся и взял винтовку. – У меня там родня. Нам по пути? Вместе, знаете ли, веселее. Решайтесь, прапорщик. Райских куш не обещаю, но кров над головой будет.

– Давайте сначала дойдем до станции, – пробираясь следом за капитаном среди камней, уклонился от прямого ответа Саша.

«Бесшабашная голова, – стараясь не оступиться, думал он, – уже строит планы на будущее, когда неизвестно, что ждет нас через час. И как в нем только уживаются два столь разных человека? Один – опытный, осторожный воин, умеющий перехитрить врага, другой – ни дать ни взять беззаботный гимназист, удравший с уроков под носом строгого инспектора».

Спустившись в долину, беглецы двинулись к железной дороге, настороженно поглядывая по сторонам. Но поля лежали в запустении. Все вокруг словно вымерло – не видно ни крестьян, ни упряжек тощих волов, уныло тянущих деревянный плуг. Видимо, долгая кровопролитная война подкосила здешних хозяев.

Конечно, добираться до станции по дороге не в пример удобнее, чем пробираться среди валунов, но по дорогам сейчас свободно гуляла только смерть: свистнет неведомо откуда прилетевшей пулей, налетит верховыми на горячих конях, взмахнет клинком или взвизгнет острым осколком гранаты – и нет тебя. Древние латиняне говаривали: самое определенное в жизни – это смерть, и самое неопределенное – ее час. Именно в силу ее неопределенности человек должен быть готов к смерти всегда, особенно на войне. Но и там каждый хочет выжить, пытается объгорить безносую, чтобы встретить новый рассвет и дождаться заката. Иначе жизнь на земле давно бы уже кончилась, а такое противоестественно природе. Поэтому беглецы крались, готовые при первом признаке опасности спрятаться среди нагромождения скал.

– Такое ощущение, словно плутаешь во мраке, – признался Юрий Петрович, проверяя по солнцу, не сбились ли они с пути. – Все вокруг чужое, неприятное, и не знаешь, чего ждать.

– Да, приятного в нашем положении мало, – согласился Саша.

– Зато свобода! – прибавив шагу, засмеялся Лобанов.

Разглядев его хорошенько при дневном свете, Руднев решил, что капитану не более тридцати лет. Просто грязь, страшная рана на лице и спутанная борода старили его, а на самом деле Лобанов еще молодой, полный сил мужчина. Впрочем, сам Саша вряд ли выглядит лучше в китайском халате с чужого плеча и тапочках на босу ногу. Заросшее щетиной лицо с голодным блеском в воспаленных глазах – просто чудом вырвавшийся на волю беглый каторжник. Только не хватает кровавых мозолей от спиленных кандалов. Но уж этого не приведи Господь!

Примерно через час они увидели впереди излучину реки и ниточку моста над ней.

– Ну вот, осталось немного, – приободрился Юрий. – Станция слева от моста, верстах в четырех. К полудню доберемся.

– Там что, только разъезд?

– Нет, есть и городишко. Вшивый, маленький, но с гарнизоном. Поэтому Жао туда не сунется. Поезда, к сожалению, ходят крайне редко и нерегулярно. Можем до завтра прождать, а то и дольше.

– Не страшно, – улыбнулся Саша, – подождем.

Отыскав тропинку, они почти побежали. Голод и желание оказаться в безопасности подхлестывали, заставляя забыть усталость, припекавшее солнце и ломоту в ногах. Рудневу бежать было легче: тапочки хоть как-то защищали ноги, а Лобанов в кровь изранил босые ступни о камни.

Когда показались стена из дикого камня, ворота и домишки за ними, капитан размахисто перекрестился.

– Слава Создателю! Дошли!

– Рискнете отправиться в город в таком виде? – покосился на него Саша.

– Плевать, – небрежно отмахнулся Лобанов, – у первого же старьевщика найдем амуницию. Подумаешь, светский раут, – хмыкнул он и убил комара на широченной голой груди, – перетерпят китаезы.

– А винтовка?

– Пусть только попробуют отнять!

Наверное, вид вооруженного полуголого одноглазого белого гиганта произвел на китайского солдата, охранявшего ворота, сильное впечатление, и он беспрепятственно пропустил русских в город. Зато на улицах на них оглядывались прохожие, нищие изумленно разевали беззубые рты, а бродячие собаки заливались истошным лаем. Увидев вывеску дешевой лавочки готового платья, Руднев потянул капитана туда.

Навстречу им вышел хозяин – пожилой тучный китаец с короткой толстой косой, лежавшей на воротнике засаленного халата. Когда Саша объяснил, что им нужно, он согласно закивал, заулыбался и несколько раз мелкими шажками обошел вокруг Лобанова, осторожно прикладывая к нему деревянный аршин.

– Большой, очень большой, – сокрушенно вздохнув, хозяин засеменил в угол и начал перебирать кучу одежды. – Найдем, найдем! – обернувшись, остановил он собравшихся уйти европейцев. – Обязательно найдем! За деньги все будет. Есть деньги?

– Есть, – успокоил его капитан. – Давай живей.

Порывшись, китаец подал ему старую нижнюю рубаху с завязками у воротника, широкие черные сатиновые шаровары и аккуратно залатанный двубортный пиджак в полоску.

– Вот, только у меня есть такой размер.

– Как насчет обуви? – примеряя пиджак, спросил Юрий Петрович.

– Туфли? – сладко улыбнулся старьевщик. – Сейчас посмотрим.

Надо хорошо знать китайских торговцев, чтобы безошибочно угадывать, что кроется за их поклонами и улыбками.

«Наверняка у старьевщика подходящей обуви нет, а если найдет что-нибудь, то обдерет нас как липку, – решил Саша. Заломит за барахло такую астрономическую цену, как за шикар-

ный костюм. Но куда деваться? Не ехать же Лобанову голым? Да вот только после расчета со старьевщиком останутся ли деньги на билеты?»

Скрывшись в примыкавшей к лавке каморке, китаец вынес огромные солдатские ботинки.

– Только для вас, всего десять долларов. За одежду двенадцать. Могу дать носки, если добавите еще три доллара.

– Заплатите, Александр Иванович, – примерив ботинки, вздохнул капитан. – Кажется, годятся.

– У нас останется всего пять долларов, и то китайских, – негромко напомнил ему Саша.

– А вы продайте ружье. – У хозяина лавки оказался тонкий слух.

– Сколько дашь? – поднял голову Лобанов.

– Если есть к нему пули, пятьдесят долларов. – Китаец выжидательно уставился на капитана хитрыми узкими глазками. – Можем поменяться. На револьвер. Тогда доплачу двадцать долларов.

– Идет! Тащи, посмотрим.

Хозяин принес старый смит-вессон, положил рядом с ним девять патронов. Юрий Петрович взял оружие, пощелкал курком, покрутил барабан.

– Опробовать нужно.

– Патрон за ваш счет, – немедленно отреагировал старьевщик. – Стрелять можете здесь, вон туда.

Он показал на заваленный хламом угол лавки. Капитан вставил в камору барабана патрон и спустил курок. Грохнул выстрел, заложило уши, потянуло кисловатой пороховой гарью.

– Беру, – засовывая револьвер за пояс шаровар, решительно заявил Лобанов. – Давай рассчитывать.

Из лавки старьевщика капитан вышел одетым в сатиновые шаровары, застиранную рубаху и поношенный пиджак, едва сходящийся на могучей груди. Теперь он чувствовал себя куда увереннее, чем прежде. Руднев нес сумку. В ней лежали фляга и двадцать долларов, полученные в доплату за винтовку. Побродив по городку, они купили табаку, перекусили в харчевне, а потом отправились на станцию.

– Ну, что вы решили? – поинтересовался Юрий Петрович, мрачно разглядывая толпу китайцев, рассеявшихся вдоль путей в ожидании поезда.

– Пожалуй, приму ваше предложение, – сказал Саша.

– Отлично. – Лобанов сразу повеселел и, взяв деньги, побежал за билетами.

Вернулся он скоро. От прежней веселости не осталось и следа. Показав Рудневу билеты в третий класс, капитан с кислой миной сообщил:

– Расписания нет, когда придет поезд – неизвестно. Классность вагонов – полная фикция. Судя по тому, как лихо здесь продают билеты всем желающим, брать места придется с бою, не то поедем на крыше. Если вообще сядем.

– Зато в толчее никто не станет проверять документы. Нет худа без добра, – пожал плечами Саша. – Не перекусить ли нам еще раз? И неплохо бы купить провизии на дорогу.

Поели около станции. У бродячего торговца купили риса, тушеной свинины, вяленого мяса и несколько лепешек. Покурили, полежали в тени станционного здания на пыльной траве. Время ожидания тянулось медленно.

Прошел состав на запад – старые теплушки и открытые платформы, облепленные людьми, как патока мухами. Потом пропыхтел товарняк. Некоторые смельчаки, рискуя попасть под колеса, на ходу цеплялись за вагоны, забирались на крыши. Наконец толпа зашевелилась, подтягиваясь ближе к путям. Где-то неподалеку прогудел паровоз, и на станцию медленно вполз поезд из четырех теплушек. Китайцы с диким ревом ринулись к ним, сбивая с ног сла-

бых, безжалостно топча упавших. Сразу возникла давка, а машинист уже дал свисток отправления.

– Давай за мной! – ринувшись в орущую толпу, осаждавшую поезд, крикнул Лобанов. Саша побежал следом.

Работая плечами, ногами и руками, капитан протиснулся к двери теплушки, влез в нее и втащил Руднева. Состав медленно тронулся, поплыли назад станционные постройки и домики городка. Не успевшие сесть кричали, лезли в вагоны, цепляясь друг за друга. Но вот станция осталась позади.

Удалось кое-как устроиться рядом с пожилым крестьянином, испуганно прижимавшим к груди тощий мешок. Угостив его куревом, Руднев поинтересовался, сколько ехать до Шанхая.

– Кто знает? – поблагодарив за табак, меланхолично ответил старик. – Один торговец дал машинисту девять американских долларов, чтобы тот не останавливался на станции, а другой купец дал пятнадцать, чтобы остановился. А впереди, говорят, ограбили товарняк.

– Как это? – заинтересовался Лобанов.

– Теперь все просто, – усмехнулся китаец. – Напали, перебили охрану и ограбили. Видно, знали, что среди товаров есть то, что им нужно.

– Кому им? – не отставал капитан.

– Бандитам, – понизил голос крестьянин, – их тут теперь много, целыми шайками орудут, никого не боятся. Да и кого им бояться? Кругом война, твердой власти нет...

Поезд тащился как черепаха. Подрагивал, пересчитывая колесами стыки рельс. Маленький, дряхлый локомотив натужно пыхтел, окутываясь отработанным паром, но упрямо тянул вагоны к мосту через широкую реку. На том берегу в небо поднимался столб густого дыма.

– Вон, – показал на дым крестьянин. – Наверное, товарняк горит. Если бандиты еще не ушли, могут и нас остановить.

Беглецы переглянулись: не дай бог вновь попасть в руки хунхузов. Старый револьвер, купленный у китайца-старьевщика – плохое оружие против многочисленных врагов, вооруженных винтовками. Оставалось только уповать на удачу и надеяться, что бандиты, ограбив товарный состав, уже убралась восвояси.

Высунувшись в оконце, Саша попытался разглядеть, что делается впереди, но увидел только медленно приближающиеся ржавые фермы моста, быструю желтоватую воду реки и гроздь человеческих тел, облепивших вагоны.

Неожиданно послышалась трескучая дробь пулемета, паровоз тревожно загудел и начал замедлять ход, в теплушках заголосили, на крыше кто-то истошно завопил, видимо поймав шальную пулю. Словно перекликаясь с пулеметом, позади состава захлопали винтовочные выстрелы.

– Засада! – дернув Руднева назад, крикнул Лобанов.

И тут же невесть откуда залетевшая пуля выбила щепку из стенки теплушки – как раз там, где только что стоял Саша.

– Во черт! – ошарашенно пробормотал тот.

Старик крестьянин втянул голову в плечи и так вцепился в свой мешок, что у него побелели пальцы. Несколько человек забились под заменявшие полки грубые нары, ехавшие на крыше горохом сыпались вниз и пытались втиснуться в вагон. Поезд вполз на мост и замер. Впереди опять послышались выстрелы.

– Проклятье! – Капитан уцепился за скобу и одним махом очутился на крыше, но тут же спрыгнул и схватил Руднева за руку. – Надо бежать! Там Чжоу!

– Кто? – не понял Саша, оглушенный стрельбой и воплями насмерть перепуганных пассажиров. – Кто там?

– Чжоу! – гаркнул ему в ухо Лобанов. – Телохранитель Жао! Попробуем прорваться назад по мосту.

– Телохранилитель Жао? Откуда он тут взялся?

– Откуда я знаю... Они уже у паровоза. – Юрий Петрович соскочил на настил моста. – Скорее, черт побери! Не копайтесь!

Больше не раздумывая, Руднев последовал за ним. Над головой тут же щелкнула пуля, с глухим стуком ударив в дощатую обшивку теплушки. Капитан присел и выхватил из-за пояса револьвер.

– Поздно! Они перекрыли мост с той стороны.

Несколько раз выстрелив по бегущим к хвосту состава бандитам, он метнулся к перилам моста.

– Прыгайте! Иначе не уйдем!

Перемахнув через ограждение, он полетел вниз и с шумным всплеском врезался в воду, сразу уйдя в глубину, как большая рыбина. Саша поглядел сквозь щели настила: до реки не меньше десяти сажен. Видны осклизлые, покрытые водорослями опоры моста и светло-желтое пятно взбаламученной Лобановым воды. В стороне от него появилась на поверхности голова Юрия Петровича. Выплыл!

С обеих концов моста к поезду бежали вооруженные люди, торопливо передергивая затворы винтовок. В теплушках в голос завывали женщины, около паровоза хлопнуло несколько револьверных выстрелов, из зарослей на другом берегу на рысях вымахали конные и наметом погнались к насыпи. Несколько китайцев, видимо имевших причины не встречаться с хунхузами, последовали примеру капитана и прыгнули в реку, оставив свой скарб на поживу грабителям. Тянуть дальше не имело смысла, если только Руднев не желал вновь очутиться в страшной земляной яме в компании с рыжей крысой.

Вскочив на перила, Саша шагнул в пустоту. Его резко рванул ветер, потом ударила вода. Ударила и потянула вниз, в холодную сумрачную глубину. По руке скользнуло что-то липкое – не то рыба, не успевшая вильнуть в сторону, не то пучок водорослей. Ступни на мгновение коснулись топкого илистого дна, грудь тяжело сдавило, перед глазами поплыли радужные круги, и Руднев, оттолкнувшись, бешено заработал руками и ногами, стремясь скорее наверх, глотнуть воздуха, увидеть небо над головой. На секунду показалось, что он не выдержит напряжения и грязная вода хлынет через нос и рот, быстро заполняя и раздирая легкие, праздную победу над отчаявшимся спастись смельчаком, но он сделал последнее усилие, и его выбросило на поверхность.

Отплеываясь и жадно хватая воздух, он увидел почти рядом Лобанова.

– Туда! – крикнул Юрий Петрович, показав на густо заросший кустами ивняка берег.

На стремнине, среди невысоких волн, черными мячиками мелькали головы плывущих китайцев. С моста по ним несколько раз выстрелили, и пули, поднимая маленькие фонтанчики, зарылись в воду. Лобанов нырнул и вскоре выплыл рядом с китайцами.

Руднев начал отмахивать саженками, но плыть было тяжело, халат намок и тянул вниз, как вериги, мешая двигаться. Жаль, не догадался его скинуть перед тем, как сигануть с моста.

Стрельба прекратилась. Оглянувшись, Саша увидел на берегу быстро скакавших конных, спешивших перехватить пловцов, когда те выйдут из воды.

Течение оказалось достаточно сильным и несло пловцов все дальше и дальше, помогая преодолевать расстояние, но в то же время не давая повернуть к берегу. Один из китайцев не вынес страшной гонки со смертью и скрылся под волнами – без вскрика, без призыва на помощь. Просто исчез в пучине – и все.

Стиснув зубы, Руднев плыл, стараясь не потерять из виду капитана. Тот ритмично работал руками, делая мощные гребки. Еще немного, и они достигнут спасительных зарослей.

Лобанов встал и по грудь в воде направился к берегу. Китайцы, поднимая тучи брызг, начали обгонять его и первыми нырнули в кусты.

Почувствовав под ногами твердое дно, Саша побрел следом.

– Сюда! – услышал он голос Юрия Петровича. Капитан стоял по колено в воде в тени раскидистого ивового куста. – Живей, мон шер!

Он протянул руку, помог Рудневу выбраться на мелководье и, прячась под нависшими ветвями, потащил его за собой вдоль кромки берега.

– Куда вы? – попытался остановиться Саша, но Лобанов, упрямо мотнув головой, потянул его дальше.

– Там же мост!

– Вот и хорошо, – обернулся Юрий Петрович. – Нас начнут искать ниже по течению, а мы спрячемся у них под носом. Пусть теряют время, гоняясь за разбежавшимися китайцами.

Кажется, хитрость капитана удалась: беглецы услышали, как мимо них по берегу пронеслись конные, подгонявшие лошадей гортанными криками. Когда стих бешеный стук копыт, они отправились дальше, отыскивая, где укрыться. Вскоре попала тихая заводь с песчаным дном, окруженная зарослями камыша. У самой воды росла огромная старая верба. Под ее корнями оказалась достаточно сухая берлога, со всех сторон скрытая зеленью.

– Тут и переждем. – Выйдя на сушу, Лобанов начал стаскивать с себя мокрую одежду.

– А где револьвер? – вздрагивая под свежим ветерком, холодившим голое тело, спросил Саша. Халат и брюки он расстелил на песке, чтобы хоть немного просохли.

– Утопил, – засмеялся Юрий Петрович. – Кстати, не хотите ли перейти на «ты»?

– Согласен! – Руднев пожал ему руку, и на мгновение задержал ее в своей. – Что мы будем делать, если бандиты вернуться? Вдруг они найдут лодку и начнут осматривать берег с воды?

– Не дай бог! Я вообще не ожидал такой прыти от Жао, – признался Лобанов. – Не могу понять, отчего он так упорно нас ищет? Или наша новая встреча с ним просто совпала с нападением на железную дорогу?

– Не знаю, – выпустив его руку, Саша отвел глаза. – Кстати, кто этот Чжоу, почему ты так хорошо его знаешь?

– Я же у них целый месяц просидел, – усмехнулся гигант. – Поневоле познакомишься. Чжоу большой мастер рукопашной и личный телохранитель Жао. Однажды мне пришлось стать свидетелем, как они вдвоем избивали десятка полтора крестьян: наказывали за какие-то провинности. Люди падали под ударами, как колосья, срезанные серпом. Когда я увидел Чжоу у паровоза, то не испытал ни малейшего желания вновь оказаться в гостях у этой банды: нам бы все ребра пересчитали и потом отправили в яму. А то и в могилу. М-да... Что же мы действительно будем делать, если ходи раздобудут лодку?

– Камыш! – Руднев вошел в воду и сломал высохшую камышину. Отгрыз зубами концы, потом дунул в нее. – Видишь, получается трубка. Берем один конец в рот, ныряем, а другой конец должен чуть-чуть выступать над водой.

– Долго не продержимся, – с сомнением покачал головой капитан, – но иного выхода нет.

Забравшись под корни вербы, беглецы затаились, прислушиваясь к доносившимся до них звукам. Первым уловил плеск весел Саша.

– Слышишь?

Лобанов вскочил и начал натягивать мокрую одежду. И тут грохнул выстрел.

– Плохо дело, – помрачнел Юрий Петрович. – В воду палят. Звук с такой силой ударяет в уши, что не выдержишь и вылетишь как пробка.

– Уши надо заткнуть. – Руднев сорвал несколько листьев и скатал из них шарики.

– Мало поможет, – поморщился капитан, забираясь в камыши. – Кажется, сейчас будут здесь.

Саша, стараясь не поднимать брызг, поспешил за товарищем. Едва они успели скрыться в плавнях, как появился плот, на котором сидели несколько бандитов с винтовками. Беглецы нырнули, выставив над водой концы полых трубок камыша.

Бум-м-м! Казалось, барабанные перепонки сейчас лопнут, как мыльный пузырь, прокнутый пальцем. К черту, все к черту! Только бы поскорее избавиться от жуткой боли в ушах, а там будь что будет! Руднев хотел распрямиться и вынырнуть, но почувствовал, что Лобанов крепко его держит, вцепившись мертвой хваткой.

Бум-м-м! Нет сил терпеть, это просто невыносимо! Наверное, Юрий Петрович сошел с ума. Он хочет, чтобы они оба оглохли или утонули в потоке грязной воды, так не похожем на тихие, ласковые русские речки. Голова буквально раскалывается от боли. Наверх, скорее!

Бум-м-м... Уже слабее, и еще раз – бум-м-м... Еле слышно. Или это успела наступить глухота – и теперь все звуки уйдут, словно растворившись в толще желтоватой мути? За что он должен терпеть такие мучения, за что? Зачем одним людям непременно нужно, чтобы мучились другие? Зачем одни отнимают жизнь у других – убивают, отнимая редкий и прекрасный дар? Неповторимый и оттого еще более ценный, не сравнимый ни с чем, ни с какими сокровищами в мире.

Внезапно руки Лобанова разжались, и Руднев немедленно вынырнул. Жадно хватая широко открытым ртом воздух, Саша выковыривал из ушей размякшие листья. Будет он слышать или нет?

Рядом появился капитан. Его единственный глаз налился кровью, лицо посинело, губы беззвучно шевелились.

Саша похолодел: оглох! Не слышу, что он говорит...

Но тут грохнул очередной выстрел, показавшийся ему подобным раскатам грома. Плот уже отплыл на добрый десяток саженей от заводи, скрывшись из виду за поворотом. И только по звуку выстрелов можно было определить, где находятся бандиты.

– Пиявки, мать их... – Злой шепот капитана прозвучал лучше самой прекрасной музыки. – Придется ждать до темноты, – брезгливо сбивая шелчками присосавшихся пиявок, посетовал Лобанов. – Жаль, револьвер утонул, а то бы сейчас заполучили и плот и винтовки.

– У нас теперь ни денег, ни оружия, ни провизии, – вздохнул Саша. – Ну ладно, дождемся темноты, а куда дальше подаваться?

– Как куда? В Шанхай, – засмеялся Юрий Петрович. – Кажется, мы договорились? Главное – мы живы и невредимы, а остальное приложится...

До Шанхая добирались почти два месяца. Поденщиной зарабатывали на пропитание. Частенько ехали «зайцами», вскакивая на ходу в медленно ползущие поезда, а то двигались пешком, привычно меряя шагами чужую землю.

Дорога сдружила скитальцев, даже сроднила, научив понимать друг друга с полуслова. А сколько было долгих разговоров по душам, столь милых русскому человеку, волею судеб заброшенному на чужбину и неожиданно встретившему соотечественника, с которым к тому же успел вместе и горюшка хлебнуть по самые ноздри.

Саша ежедневно брал у капитана уроки рукопашного боя, понимая, что судьба послала ему в лице Юрия Петровича большого мастера, готового поделиться с другом секретами столь необходимого в их трудной жизни искусства. Поблажек Лобанов не давал, гонял до седьмого пота. Но, как ни старался Руднев, до капитана ему было еще ой как далеко, несмотря на имевшийся ранее опыт.

Так и шли. Ночевали где придется, питались чем Бог пошлет, радовались любому заработку. Мокли под дождями, обсыхали на жарком солнце. Однажды едва унесли ноги от хунзузов, в другой раз чуть не угодили в лапы полиции, вылавливавшей на станции беспаспортных бродяг. Но шли и радовались, что Шанхай, прозванный «азиатским Вавилоном», с каждым шагом становится все ближе и ближе.

Через неделю-другую Саше уже казалось, что он знает Юрия Петровича всю жизнь, чуть ли не с детства. Все случившееся до их совместного путешествия – плен, разбитый караван, жадный и злой Фын, собиравшийся пытать Руднева в мрачном ущелье, земляная тюрьма, побег

от головорезов Жао, головокружительный прыжок с моста в мутную бурную реку, приключения в плавнях – словно ступавалось в памяти, стало забываться как кошмарный сон.

Наконец на исходе шестой недели скитаний путники вошли в пригород Шанхая. Вокруг теснились фанзы бедного китайского квартала, где жили кули, поденщики, разносчики овощей, рикши. Их убогие домишки походили друг на друга: дырявые крыши, земляной пол, на котором спали вповалку всей семьей, занавески вместо дверей. На ночь вход загораживали досками и кусками фанеры, чтобы хоть как-то защититься от воров и бродяг, которых всегда полно в крупном портовом городе. Впрочем, брать в этих лачугах все равно было нечего.

Постепенно улицы становились просторнее. Появились островки зелени, заколыхались на ветру полотняные вывески маленьких магазинчиков и лавок, навстречу попался купец, щеголявший, несмотря на жару, в длинном шелковом халате на меху. Толпа стала гуще, вдалеке на набережной показалось высокое здание с большими часами – английская таможня.

Из-за угла, дребезжа звонком, вывернул трамвай Французской компании. Попыхивая синеватым бензиновым дымком, проехал роскошный «паккард». Позади шофера, на обтянутом кожей сиденье, развалился мужчина в белом костюме.

– Англичанин, – мельком глянув на номер автомобиля, определил Лобанов. – Цивилизация. Дошли, слава Богу. Теперь – по набережной, мимо пристани и на другой конец города.

– Хочешь прогуляться мимо банков и отелей? – невесело усмехнулся Саша. – Там полно полиции. В нашем рванье ничего не стоит загреметь в участок, а мы без паспортов.

– Ерунда, – отмахнулся возбужденный капитан. – Сойдем за нищих.

Вышли на набережную, смешались с толпой прохожих, торопившихся по своим делам. На углу Нанкин-роуд возвышался десятиэтажный «Катэй-отель». Напротив – «Палас-отель», сверкавший огнями рекламы и зеркальными витринами магазинов дорогих китайских сувениров. По реке плыли джонки под косыми парусами, сновали прогулочные катера.

– «Норс Чайна дейли ньюс»! Самые свежие новости, свежие новости!.. – кричали мальчишки – разносчики газет. Почти насильно всучив очередному прохожему пахнувшие типографской краской листы, они на лету ловили монету и бежали дальше, звонко выкрикивая: – Драка матросов на «кровавой аллее»! Вновь открыт дансинг «Фаррен»! Бои на юге с армией Чан Кайши! Гоминьдан переходит в наступление! Похороны в Пекине!

На перекрестке прохаживался чернобородый индус-полицейский в желтой чалме и синем мундире. Почувствовав его пристальный взгляд, приятели поспешили от греха подальше свернуть в переулок.

– Вылупился как баран на новые ворота, – шагая по узким тихим улочкам, бурчал Лобанов. – Там короче было, а теперь придется обходить.

– Ничего, лучше обойти, чем париться в полиции, – ухмыльнулся Руднев.

– Ну да, конечно, – согласился Юрий Петрович. – Мы для господ полицейских люди без национальности, беспаспортные эмигранты. Как только появятся деньги, надо будет немедленно добыть паспорта.

– Какие? – улыбнулся Саша.

– Да любые, – сплюнул капитан. – Британские или американские дороги, а вот португальские или мексиканские вполне можно сторговать по сходной цене. Станем гражданами Бразилии, Чили или какой-нибудь Колумбии. Не все ли равно? Главное – иметь надежный документ.

Купив у уличного торговца китайских сигарет, самых дешевых, Лобанов бережно спрятал их в карман и подмигнул.

– Смоем грязь, поедим и всласть покурим.

– Далеко еще? – поинтересовался Руднев, окинув взглядом доходные дома, выстроившиеся вдоль улицы. Как-то незаметно они удалились от богатого центра и очутились среди дешевых пансионатов, третьеразрядных гостиниц и чахлах сквериков.

– Уже пришли. Только бы Ольга оказалась дома.

Капитан направился к многоэтажному серому дому. Миновав захламленный двор, они вошли в подъезд и поднялись по темноватой, узкой лестнице под самую крышу. У двери одной из квартир Юрий Петрович остановился, крутанул вертушку механического звонка.

Саша вдруг почувствовал, что сердце у него забилось быстрее, а кровь внезапно прилила к щекам. В его голове сумбурным вихрем пронесся целый рой мыслей, опережая одна другую: хорошо ли, что он пришел сюда с Лобановым? Ужасно неловко вторгаться в чужой дом, не стеснит ли он своим присутствием совершенно незнакомую ему девушку? И вообще, он даже не знает, чем занимается сестра Юрия, замужем она или нет, есть ли в семье дети? А тут заявляются двое грязных, голодных, оборванных мужчин, да еще без гроша в кармане. Надо было раньше расспросить капитана... Но тут за дверью послышались легкие шаги.

– Кто там?

– Оленька! Открывай, это я! – Загорелое, обветренное лицо одноглазого гиганта расплылось в блаженной улыбке.

– Боже мой! Юрий!

Дверь распахнулась. На пороге стояла миловидная светловолосая девушка. Темное платье с белым кружевным воротничком делало ее похожей на гимназистку.

Капитан схватил сестру огромными ручищами, легко поднял ее и закружил, осыпая поцелуями лицо, волосы, руки. Радостно смеясь, он подбрасывал девушку, как ребенка.

– Ольгунька! Сестренка! Малышка моя!

– Юра! Живой!

Тонкие пальчики Ольги нежно взъерошили львиную гриву гиганта, погладили заросшие щетиной щеки, осторожно коснувшись пересекавшего пустую глазницу страшного рубца.

Наконец Лобанов бережно опустил сестру на пол и обернулся.

– Позволь представить. Мой друг – георгиевский кавалер прапорщик Руднев. Мы вместе бежали от хунхузов. Лихое было дело!

– Александр. – Смутившись, что стал невольным свидетелем этой нежной встречи, Саша сдержанно поклонился.

– Проходите, – пригласила Ольга, впуская их в крошечную переднюю.

Квартирка оказалась чистенькой, скудно обставленной, с единственной комнаткой, выходящей окнами во двор-колодец. Ольга сразу кинулась накрывать на стол, а Юрий Петрович поставил на плиту ведро воды и достал большой жестяной таз.

– Сейчас перекусим, а потом помоемся на кухне, – весело сообщил он Саше, скромно присевшему на краешек стула.

– Мне, право, неудобно стеснять вас. – Руднев уже понял, что разместиться троим в этой квартирке практически невозможно. Она и так мала, а огромный Лобанов, казалось, заполнял собой все свободное пространство. Беззлбно поругивая тесноту и весело скаля зубы, он задевал то покрытый вышитой салфеткой комод, то шкаф с мутноватым зеркалом, наткнулся на стулья и единственную кровать.

– А куда ты пойдешь? – Капитан уставился на приятеля единственным глазом. – Брось, Саша, в тесноте, да не в обиде. Ляжем на полу, валетиком.

Поняв, что спорить бесполезно, Руднев примолк и начал украдкой наблюдать за хлопотавшей у стола Ольгой.

Она сразу очень понравилась ему, и Саша с каким-то особенным удовольствием смотрел, как девушка расставляет чашки, тарелки, кладет приборы, заваривает чай в маленьком фарфоровом чайничке, разрисованном синими, причудливо извивающимися драконами. Боже, каким далеким, милым, родным, но навсегда потерянным веет от ее фигурки, какую сладкую боль воспоминаний навевают плавные движения ее рук.

Да, а платьишко на ней давно не новое, аккуратно заштопанное у манжетика, но идеально чистое и тщательно отутюженное. И воротничок она наверняка сделала сама, а не купила кру-

жева в модном магазине. Бедные никогда не признаются в нищете, скрывая ее, как дурную болезнь. Только богатство может позволить себе рядиться в лохмотья, эксцентрично шокируя общество, прекрасно осведомленное, какой банковский счет скрывается за поношенным тряпьем.

«Надо поскорее найти работу, чтобы не стать для них обузой», – подумал Саша, садясь к столу.

Выпили красного вина – в кухонном буфете у Ольги нашлась приберегаемая к торжественному случаю бутылка, закусили, почаяевичали. Лобанов красочно, со всеми подробностями, рассказал о выпавших на их долю приключениях. Ольга, переводя взгляд с брата на Сашу, внимательно слушала, всплескивала руками и часто по-русски охала.

Согрелась в ведре вода, и Юрий повел Сашу на кухню мыться. Ольга дала ему на смену белье покойного отца, вынула из шкафа костюм: старомодный, оказавшийся великоватым, но еще вполне приличный.

Снимая брюки, Руднев нащупал в часовом кармашке что-то твердое. Тумор Джона Аллена!

– Что это? – поднял голову наливавший в таз воду капитан.

– Так, безделушка. – Повертев амулет, Саша положил его на стопку белья. – Память об одном давнем приключении. Удивительно, как такая маленькая вещичка сохранилась за время одиссеи.

– Э-э... Удивительно другое: как мы сохранили свои головы, – усмехнулся Юрий. – Слушай, я хочу, чтобы между нами была полная ясность.

– Ты о чем? – насторожился Руднев.

– Не о чем, а о ком, – прищурил единственный глаз Лобанов. – Очень прошу, не засматривайся на Ольгу. Я ее за миллионера замуж выдам.

– Уже подыскал? – встав в таз, ехидно спросил Саша.

– Еще нет. Не обижайся. Я хочу ей счастья. Из всей некогда большой семьи нас осталось только двое. Понимаешь?

– Понимаю. Я вообще остался один. Наверное, мне придется стать миллионером.

– Молодец! – захохотал капитан, хлопнув приятеля по спине так крепко, что тот чуть не упал. – За это и люблю!..

Поздно вечером, лежа на кухонном полу рядом с мирно посапывающим Юрием, Саша прислушивался к доносившимся из-за тонкой стены шорохам – Ольга тоже ложилась спать... Тумор висел у него на шее, рядом с нательным крестом. Руднев коснулся его кончиком пальца. Чего только не случилось за последнее время... Словно из тумана, выплыло перекошенное яростью лицо Фына, потом – другое, бледное, покрытое бисеринками пота. Лицо умирающего американца... Горы Белые Облака... Старый Вок... Город на воде... Капуцин... Двести тысяч золотом...

Бред, конечно, бред! Какие тайны, какое золото? Как хорошо, что все позади и, даст Бог, он никогда больше не увидит Фына и даже не услышит о нем. Пройдет время, прошлое забудется, ступается в памяти земляная тюрьма, дерзкий побег, скитания, голод, опасности. Жизнь скоро войдет в нормальную колею, и надо ли строить несбыточные планы? Да и существует ли на самом деле этот затерянный в горах пещерный город? Реальность властно требует денег на жилье, одежду, обувь, пропитание. Завтра начнется новый день и стоит подумать о насущном, навсегда забыв призрачные сказки.

Глаза у Руднева слипались, он улыбнулся при мысли, что утром снова увидит Ольгу, и заснул...

Глава 5

Сюе Вей сидел в своей лавке, наблюдал за приказчиками и, страдая от парной духоты, обмахивался веером. Проклятая жара, нет от нее никакого спасения. Даже широкое полотнище, двигавшееся на блоках под потолком, не давало прохлады, а лишь слегка разгоняло застоявшийся запах мануфактуры. Подтянув повыше широкие рукава длинного шелкового халата со стоячим воротником, Вей поправил темную шапочку и постучал сложенным веером по ладони. Из-за занавески, скрывавшей проход во внутренние помещения, немедленно появился мальчишка-посыльный с чашечкой чая на черном лакированном подносе.

Обливавшиеся потом приказчики маялись еще больше хозяина – их замучила пожилая капризная клиентка, брезгливо перебиравшая разложенные на прилавках ткани.

Звякнул дверной колокольчик. Сюе мельком взглянул на вошедшего и снова занялся чаем: всего-навсего грязный нищий, каких множество в этом городе. Шляются, клянчат, живут жалкими подачками, а то, бывает, сбиваются в шайки, грабящие запоздалых прохожих. Нищий остановился в нескольких шагах от прилавка и принялся греметь висевшими на шее, похожими на ключи от амбарных замков железками. Видя, что на него не обращают внимания, он громыхал все громче и громче, пока наконец к его ногам не упала мелкая монета. Быстро подняв ее, оборванец взялся за бамбуковые дощечки, болтавшиеся на шнурке у пояса засаленного халата, и защелкал ими, как кастаньетами. Немилосердно терзая слух всех находившихся в лавке, он требовал новой подачи.

Вей недовольно вскинул голову: совсем обнаглел мерзавец! Сейчас ему как следует намнут бока и вышвырнут за дверь. Он уже открыл рот, чтобы отдать приказание, но, встретившись взглядом с нищим, так и застыл. Не может быть! Неужели пожаловал старый знакомый? Жив, значит, не сгинул в водовороте смутного времени. Но почему он явился в таком жалком обличье?

– Дайте ему доллар, – распорядился Вей и шепнул нищему, чтобы тот подошел к задней двери магазина.

Один из приказчиков швырнул на пол китайский доллар, и нищий немедленно убрался.

Мелкими глотками отпивая ароматный чай, купец старался успокоиться и оценить ситуацию: что таит в себе неожиданный визит? Отказываться от разговора с этим человеком не стоит – он опасен и мстителен, а кроме того, никогда не знаешь, какую выгоду можно извлечь из нежданной встречи. Поднявшись, Вей неторопливо прошел за занавеску. Движением пальца отослал мальчишку и, приоткрыв заднюю дверь лавки, осторожно выглянул во двор. Нищий был уже там.

Купец впустил его и провел в свою каморку. Молча указав гостю на топчан, достал из настенного шкафчика чайник с вином, положил на низкий столик пачку сигарет и уселся напротив.

– Угощайся, Фын. Давно ты не появлялся.

– Давно, – жадно припав губами к носику чайника, эхом откликнулся бандит.

От внимательного взгляда купца не укрылось, что запястье Фына замотано несвежей тряпкой. Неужели скрывает след от наручников? На пальцах – еще не зажившие кровоподтеки и ссадины, словно ему ломали суставы. Нет, с Фыном надо держать ухо востро. Кто знает, зачем он сюда пожаловал? Но на Востоке не принято проявлять любопытство, и хозяин ждал, пока гость сам начнет разговор.

– Я еще не ел сегодня, – отставив чайник, заметил бандит.

Сюе медленно встал, принес из соседней каморки пиалу с вареным рисом и креветками, покрытую тонкой лепешкой из белой пшеничной муки. Подал гостю маленькую глиняную бутылочку с темным соевым соусом. Радушно улыбнулся.

– Кушай, кушай на здоровье!

Фын порылся в складках драного халата и вытащил палочки для еды. Купец быстро отвел глаза: железные! В руках гостя они могут быть страшным оружием. Несколько лет назад одного парня убили именно такой палочкой: точно рассчитанным сильным шелчком послали ее по полированному столику прямо в живот несчастного и насадили его, как жука на булавку.

Зачем пожаловал Фын? Может, лучше сразу пристрелить его, а потом заявить полиции, что он хотел ограбить лавку? Самое время выхватить револьвер и всадить пулю в жадно пожирающего угощение гостя, пока он сам не задумал взять твою жизнь. В конце концов можно обойтись и без полиции – спрятать тело – пара пустяков.

– Не дергайся, – с набитым ртом пробурчал Фын, – я по делу пришел.

– Понимаю, понимаю, – масленно улыбаясь, закивал купец. – Кушай. Хочешь еще?

– Нет. – К немалому облегчению хозяина гость вытер и спрятал страшные палочки. – Как ты тут поживаешь?

– Торгую, – пожал жирными плечами Вей.

– У тебя остались старые связи?

– Что ты имеешь в виду? – осторожно уточнил купец. Куда клонит знакомый, что у него на уме?

В свое время они состояли в одной шайке, но Фын тут же проматывал добытое, спуская его в кабаках и борделях, а Вей копил, складывая денежки, пока не завел собственное дело, купив мануфактурную лавку. Конечно, он не порвал с бывшими друзьями, многие из которых теперь тоже выбились в люди, но зачем об этом знать гостю? Надо больше слушать и меньше говорить – не зря же мудрые боги дали человеку два уха и всего один язык.

– Не юли, – зло прошипел Фын. – Я же сказал: есть дело. Могу взять в долю, если будешь нем как рыба.

– Всегда готов помочь, – угодливо заверил купец, прикидывая, какое дело может быть у Фына. Говорили, он подался к бандам гоу-юй, орудовавшим в провинции Шаньдун, и неплохо там поживился. Возможно, теперь тоже хочет открыть, лавку? Все рано или поздно пускают награбленные деньги в оборот. Приятно стать хозяином и командовать другими.

– Мне нужно найти одного человека, – прислушиваясь к голосам, едва слышно доносившимся из торгового зала, шепнул Фын. – Ты многих знаешь, а я долго отсутствовал. Есть у тебя знакомые в кланах земляков?

Вей задумался. Конечно, все хань – китайцы, носящие одну фамилию, – издревле считаются родственниками и входят в кланы землячества, подчиняясь «старшему рода», совсем не обязательно отличающемуся мудростью и почтенным возрастом. Обычно кланы контролируются тайными преступными сообществами, и входящие в них пополняют ряды гангстеров, медленно продвигаясь по иерархической лестнице, пока не отправятся на небо или не займут положение, позволяющее приказывать отправлять туда других. Однако землячества не всегда вовлекают своих членов в преступную деятельность, но помогают им, получая от них «благодарность» деньгами, услугами, сведениями. Но зачем это Фыну? Кого он хочет найти и с какой целью? Как бы это узнать?

– Конечно, конечно, – закивал купец, думая о своем. Хорошо бы как-нибудь заставить гостя разговориться. Пусть болтает. Вдруг, ненароком, среди пустых фраз проскочат истинные мысли скрытного и осторожного Фына. Вне сомнений, он будет много лгать, но даже его ложь весьма интересна. О чем и как он лжет? За ложью для умного человека тоже может приоткрыться истина.

Вей долил в чайник вина и подвинул его ближе к Фыну: лакай, не жалко, только язык развяжи! Но бандит не притронулся к спиртному.

– У меня мало времени. – Он закурил сигарету и указал на поднимающуюся к низкому потолку струйку синеватого дыма. – Оно тает как дым, а человека нужно найти быстро.

– За все придется платить, – немедленно откликнулся Вей.

– Естественно, – тут же согласился Фын. – Ты и заплатишь. У тебя лавка, полная товара, услужливые, ласковые приказчики...

– Ласковые? – поджал губы купец. – Где ты сейчас таких видел? Эти, что ли? – Он мотнул головой в сторону торгового зала. – Век пошел: руки прячешь в рукава халата, чтобы пальцы не отгрызли! А ты говоришь «ласковые». А власти? Только и знают, что душить торгового человека налогами и поборами. Того и гляди пойдешь по миру.

– Власти меняются, а деньги остаются, – усмехнулся бандит. – Сейчас их у тебя значительно больше, чем у меня. Не жадничай, я же обещал взять тебя в долю. Не прогадаешь.

– Сколько? – прямо спросил Вей.

– Десять тысяч тебя устроит?

– Десять тысяч чего?

– Американских долларов.

Сюе засопел, переваривая информацию. Десять тысяч американских долларов – большая сумма. Но что стоит за поисками этого неназванного еще человека? Вдруг Фын хочет кого-то ограбить, начать шантажировать или... Стоит ли рисковать, да еще вкладывая свои кровные денежки?

– Когда ты расплатишься за помощь? – наконец прервал он молчание.

– Сам понимаешь, подписать вексель я не могу, – ощерил прокуренные зубы бандит, – но долг отдам не позже, чем через месяц с того дня, как ты мне назовешь адрес нужного человека.

– Долг и десять тысяч, – подняв палец с длинным острым ногтем, уточнил купец.

– Да, – подтвердил Фын, не желая попусту спорить. – Но не вздумай обмануть или трепаться. Иначе...

– Перестань, – брезгливо поморщился Вей, – мы же не дети. Говори, кого тебе надо разыскать и зачем.

– Мне нужен старый Вок. Он где-то здесь, в Шанхае, но где именно, я не знаю. Если тебе назовут несколько Воков, покупай сведения обо всех, я потом разберусь.

– Хорошо, хорошо, так и сделаю, будь спокоен. Но зачем он тебе? Что, этот Вок очень богат?

– Не знаю. – Фын привалился спиной к стене. – И тебе не советую проявлять любопытство. Когда зайти за ответом? Три дня хватит?

Купец глотнул вина из чайника и полуприкрыл глаза, изображая напряженное раздумье. Имя наконец названо, но как много осталось недосказанного! Черти бы разодрали этого Фына, вечно он темнит, слова лишнего из него не вытянешь, даже после двух чайников вина. Но десять тысяч!

Стоит самому поинтересоваться старичком, если удастся его отыскать. А еще лучше продать информацию. Десять тысяч – пока только призрак денег, пустые обещания, а сейчас можешь получить реальные доллары.

– Три дня мало. Скажи, где тебя найти. Если что-то выяснится раньше, я сообщу.

– Нет, я найду сам, – покачал головой бандит. – Самое позднее, через неделю. Я же сказал: у меня мало времени.

О русском, знающем тайну спрятанных в горах сокровищ, Фын умолчал. Да и жив ли еще этот парень? Самый короткий путь к золоту – старый Вок, с него и надо начинать. А посвящать во все подробности такую лису, как Вей, не стоит.

– Через неделю, – повторил он и поднялся, давая понять, что разговор окончен. – Одолжи мне немного денег, я верну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.